

Ольга Малашкина

Три смерти и Даша

*О том, что
бывает, если тебя
хочет удочерить
семья смертей.*

Ольга Малашкина
**Три смерти и Даша. О том,
что бывает, если тебя хочет
удочерить семья смертей**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23141499
ISBN 9785448382673*

Аннотация

Я внушаю людям только ужас. Никто никогда не радуется моему приходу. Никто меня не любит, никому я не нужна. Если не знать, кто я, то может показаться, что я непривлекательная, необщительная и ужасно закомплексованная. Но это не так. Я уверена в себе и очень общительна по роду деятельности. Просто я – смерть.

Содержание

1	5
2	7
3	15
4	18
5	31
6	35
7	45
8	52
9	64
10	68
11	72
12	78
13	81
14	84
15	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**Три смерти и Даша
О том, что бывает,
если тебя хочет
удочерить семья смертей**

Ольга Малашкина

© Ольга Малашкина, 2017

ISBN 978-5-4483-8267-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я внушаю людям только ужас. Так было всегда, сколько я себя помню.

Где бы я не появилась – все сторонятся меня, никто никогда не радуется моему приходу. Не удивительно, что меня редко куда-нибудь приглашают, хотя случается и такое. Обычно меня игнорируют, старательно делают вид, что меня нет, а когда замечают, что я рядом – приходят в ужас.

Я всегда все делаю не так. Я всегда прихожу не вовремя: то – слишком рано, то – слишком поздно. И мало кто радуется тому, что я вообще пришла.

Никто меня не любит, никому я не нужна. Вернее, никто не осознает, насколько я все же нужна, несмотря ни на что.

Если не знать, кто я, то может показаться, что я непривлекательная, необщительная и ужасно закомплексованная. Но, это не так. На самом деле я весьма симпатичная – у меня темные глаза и волосы, правильные черты лица, я среднего роста и с хорошей фигурой. Я уверена в себе и очень общительна по роду деятельности. Просто я – смерть.

Да, не очень благозвучное имя, но уж какое дали. На разных языках этого мира мое имя звучит по-разному. Также разные народы не сходятся во мнении какого смерть пола. В одних языках это Она (в смысле – я), в других – Он, в третьих – Оно. Знали бы люди, что правы они все – нас действи-

тельно трое.

Людям сложно это понять, а мне сложно понять, как можно жить вдвоем. По крайней мере, когда вас трое, точно знаешь, где они, если они не с тобой. Хотя, в семье, где я родилась, Она (то есть – моя мать) была далека от понимания этих преимуществ. Она измучила Их ревностью. Она ненавидела Их, ненавидела меня, как Их ребенка, ненавидела весь мир. И на Земле лютовала тогда в основном Она. Эпидемии, свирепствовавшие на планете, уносили миллионы жизней.

Прожила Она по нашим меркам не долго. Она быстро утратила плоть, а скелет вскоре рассыпался в прах. Многие видели Ее в таком обличии, и от этого меня теперь представляют точно так же и бояться еще больше.

Они не намного Ее пережили. Оно и Он – мой братец отправились в другие миры в поисках лучшей доли, а я осталась здесь. И поклялась, что в моей все будет по – другому. Ах, да, совсем забыла сказать – у меня прекрасная семья.

2

В городе был химкомбинат. Почти ежедневно или, по крайней мере, не реже раза в неделю по улицам ползли ядовитые испарения. Жители города давно к этому привыкли. Они часто просыпались и ходили весь день с больной головой, часто кашляли, не простыв, и не придавали этому особого значения.

Город был маленький и ужасно пыльный. Весной листва немногочисленных деревьев быстро превращалась из зеленой в серо-зеленую. А зимой город был окрашен в три цвета: белый, серый и голубовато-серый. Никаких архитектурных излишеств в городе не было. Местное образование было представлено несколькими училищами; одним престижным колледжем, готовящим более или менее квалифицированных рабочих для химкомбината; и единственным, имеющимся почти во всех городах, педагогическим институтом, с единственным же престижным факультетом (естественно – химфаком).

Естественно, почти вся деловая, общественная и культурная жизнь вращалась вокруг химкомбината, а тем, кто не мог или не хотел в ней участвовать, словно бы и не было места в этом городе.

Несмотря на общую внешнюю неприглядность города,

этот район сильно и невыгодно выделялся на фоне других.

Он состоял из старых двухэтажных домов, не отремонтированных, наверное, со дня основания огорода. Летом в этих домах всегда было прохладно, а зимой – холодно. Детские площадки находились в таком состоянии, что дети предпочитали им все, что угодно: лестницы, чердаки, подвалы, небольшие рожицы и сады частных домов. Населяла этот район, в основном, местная «интеллектуальная элита: выпускники училищ, рабочие, немного интеллигенции и много потерявших себя алкоголиков и наркоманов.

В тот день вдоль неширокой дороги шла молодая женщина. Ее звали Лиля, и выглядела она так, что если вы хоть раз ее видели, то вряд ли когда-нибудь забудете. Она не была похожа на блеклых, обезличенных женщин родного города и совсем не походила на девочек с окраин – хорошеньких, но грубоватых, с ярко раскрашенными дерзкими личиками. Фигура у нее была превосходная, черты лица правильные. Глаза у нее были карие, очень выразительные, а волосы длинные, светлые. Сейчас она была абсолютно безмятежна и спокойна. Волноваться ей было нельзя: она ждала ребенка.

Навстречу ей шла другая молодая женщина. Ее звали Роза. Ей было, как и Лиле, восемнадцать лет. И она тоже была беременна и тоже на пятом месяце. Маленького роста, хрупкая, с длинными русыми волосами и большими голубыми глазами она производила впечатление беременного ребенка. Хотя, если судить по уровню развития, в сущности, так оно

и было.

Девушки встретились, улыбнулись друг другу и познакомились. С тех пор они часто гуляли вместе, часами болтали и вскоре узнали почти все друг о друге.

Лиля жила с отцом, который в ней души не чаял. Девятнадцать лет назад, когда ему было сорок, его отцовство началось с уверенного заявления, что ребенок не его. О том, где сейчас ее мать, Лиля имела весьма смутное представление и не хотела знать больше.

Как и все девушки ее возраста, Лиля искала любви и понимания. И если это можно так назвать, то нашла. На свою голову.

Что до ребенка, то она справедливо рассудила, что его незапланированное появление не повод для того, чтобы в семнадцать лет становиться убийцей и оставила.

Роза жила с отцом своего ребенка. Скоро должна была состояться их свадьба. Роза не задумывалась, любит ли она своего будущего мужа, да и вообще редко задумывалась. Быть может, в глубине души она осознавала, что все происходящее – не предел ее мечтаний, но была слишком слабовольна для каких-либо свершений. Главным для нее всегда была привычка, а ко всему происходящему она давно привыкла и не желала ничего менять. А если и находили на нее время от времени, приступы дикой тоски, так что ж с того.

Лиля училась на филологическом факультете местного педа. Она поступила туда потому, что ей было все равно, а ее

отец преподавал там.

Склад ума у Лили был гуманитарный, и учеба давалась ей легко. Учиться ей не нравилось. И не столько учиться, сколько – посещать занятия, где по группе гуляли грязные сплетни; где строгие преподавательницы завидовали ее красоте и беременности, а манерные ломали руки и принимали картинные позы: «Ах, посмотрите, какая я утонченная и умная, не то, что вы!» И где она прекрасно понимала, что, несмотря на ее широкий кругозор, негде не нужны филологи в это суетное время перемен. Ну, разве что, в школе, но она лучше пойдет мыть полы...

Роза училась в ПТУ, неподалеку от дома на маляра-штукатура. Появлялась она там крайне редко, в основном для того, чтобы получить стипендию. И, вряд ли, это сильно влияло на ее профпригодность – красила, штукатурила и клеила обои она и без того хорошо.

В общем, их обеих ждала непрестижная, неинтересная и низкооплачиваемая работа.

Правда, в жизни Розы теперь было одно светлое пятно – ее будущий ребенок. Его появление Роза восприняла также спокойно, как и все в своей жизни. Но теперь ее жизнь приобрела смысл, а ей с детства твердили, что смысл жизни нужен, правда, никто не уточнял – зачем.

Роза хотела мальчика, а ждала девочку. Лиля же хотела девочку, девочку и ждала.

Девушки часто ходили друг к другу в гости, но чаще бы-

вали у Лили – у Розы дома полным ходом шел ремонт.

Так однажды они сидели в Лилиной комнате. Сгущались сумерки, но свет они не включали. В комнату проникал красноватый свет уличных фонарей, и мебель отбрасывала причудливые тени. Слышно было каждую проезжающую машину.

– Лилька, ты такая умная! – вдруг после долгого молчания сказала Роза.

– Почему ты так решила?

– Ну... Ты знаешь много. Интересно рассказываешь.

– И что с того? В жизни это мало помогает.

– Почему?

– Потому, что никому это не нужно.

Лиля встала и включила музыку: в шкафу на полке был спрятан от греха подальше магнитофон. Почти половину шкафа занимали магнитофонные записи.

– Лиль, а что это за группа? – спросила Роза.

– «Ария». Моя любимая.

– Так это же... «металл»... – с ужасом в глазах проговорила Роза.

– Ну и что, – спокойно ответила Лиля, – Я люблю «металл».

– Ты что? Во всех журналах пишут, что такая музыка это тлетворное влияние запада. Она пропагандирует культ насилия. Как ты можешь такое слушать? – Роза не скрывала сво-

его возмущения.

– Спокойно. И, как видишь, до сих пор ни кого не изнасиловала.

– А еще я читала, что «металл» плохо влияет на мозги. Что люди от него быстро тупеют.

– Кто-то только что говорил, что я слишком умная...

– Ну, вот, и не боишься за свой ум?! Еще я читала...

– Что-то ты слишком много читаешь. Не к добру это. Лучше бы Пушкина почитала. Или – Набокова. У меня есть. Хочешь, дам почитать?

– Не-ет, – протянула Роза, – Это все так скучно. И вообще – я не люблю читать, ты же знаешь.

– И не читай. Тебе это противопоказано.

– А не боишься, что на ребенка плохо повлияет?

– Что? – не поняла Лиля.

– Ну, музыка.

– Конечно – нет. Все эмоции я делю с ним, а мне нравится. Да и как я без рока?

– А откуда у тебя магнитофон? На какие шиши? Я же знаю, что вы живете небогато, – неожиданно сменила тему Роза.

– Это подарок... вернее – взятка. Отцу за экзамен.

– Ты же говорила, что он у тебя строгий, принципиальный и не берет..?

– Вообще – да. Но, тут уж очень удачно предложили. Он же знал, что я давно хочу, а денег нет, и не предвидится...

– Да – а... Лиль. А как там твой Фарит?

– Да, лучше бы он был не мой. Готовится стать отцом.

– И как?

– Ничего. Мальчика хочет. Уговаривает свою мать с ребенком сидеть, пока я в институте.

– И как?

– Вроде – согласилась. Не очень то я хочу ее так часто видеть, а что делать...

– Что, не любит тебя?

– Да не то, чтобы – очень. Но считает, что красота до добра не доведет. Видимо, по собственному опыту судит, я видела ее фотографии в молодости.

– Красивая?

– Не то слово. Жаль, сынок не в нее. А Вася твой как?

– Хорошо. В эту субботу наша свадьба. Ты придешь?

– Странный вопрос.

– Приходи обязательно. Если ты придешь – все надолго запомнят нашу свадьбу. Вообще, завидую я тебе, Лилька. И умная и красивая. Чего еще надо?

– А я всегда мечтала быть как ты.

– Да, ну..?

– Ты так легко относишься к жизни. Мне бы так. А мне вечно чего-то надо, чего-то не хватает, чего нет и не будет.

– Да, ладно.

– Только не знаю, что вам на свадьбу подарить. Да и денег нет.

– И зачем ты пошла в этот институт? Все равно после него никуда не устроишься. Пошла бы в училище – давно бы уже работала.

– Нет, я хочу высшее.

– Ну, зачем?!

– Пригодится. А если и не пригодится – хотя бы для себя.

– И куда ты с ним устроишься? Училкой?

– Типун тебе на язык! Может, я вообще отсюда уеду. Надоело мне здесь.

– Ну, куда ты отсюда уедешь? Кто тебя ждет?

– Никто. Но, это же хорошо. Если бы ждали – подготовились бы: возвели бы крепостную стену, запаслись бы продуктами и не пускали бы меня.

– Да, ладно тебе. Не расстраивайся.

– Даже не собиралась. И все равно я уеду!..

3

Да, у меня прекрасная семья. По началу я неплохо справлялась сама: людей на земле было не так уж много. Я наслаждалась покоем.

А потом, люди начали воевать. То есть, воевали они и до этого, но не в таких масштабах. И мне стало трудно. А что бывает, когда я не справляюсь? Правильно, – появляются легенды о вампирах, зомби, призраках, имеющие в основе реальные факты. А потом люди сами отмахиваются от них: мол, все это выдумки. Им и в голову не приходит, что я могу не справляться.

А вот к появлению чудовищ я не имею никакого отношения. Это все либо людская фантазия, либо необразованность. Например – дядя Витя – чудовище с лицом и телосложением старика, безопасное, но постоянно пристающее ко всем с просьбами. Ко мне его появление не имеет никакого отношения – я проверяла – он жив, и никто из нас не знает даты его смерти. Наверное, он откуда-то вылез после долгой спячки потому, что раньше я его не видела. Наверное, во времена молодости моих родителей таких было много.

Так, вот: шли войны, и я не справлялась. И однажды на поле боя я встретила Его. Он, как мой брат недавно покинул другой мир и пришел сюда, почувствовав, что нужен. Я сильно растерялась, когда его увидела и выронила воина,

которого собиралась забрать. Он выжил после страшной раны и всем рассказал обо мне. Позже так родились легенды о валькириях. Только не верьте им – я не толстая.

Конечно же, мы с Ним полюбили друг друга. Честно говоря, я не ожидала от себя такой влюбчивости. С улыбкой вспоминаю то время. Тогда мы много гуляли по древним городам, люди шарахались и разбегались от нас, а города менялись на глазах – людское время быстрее нашего, иначе как бы мы все успевали?

Оно я встретила, когда однажды пошла, прогуляться по космосу. Оно обитало на планете, лишенной жизни и находилось в очень подавленном состоянии. Это было не первое Оно, которое я встретила, но я не сомневалась. Я взяла его за руку и отвела к нам домой. И мы наконец-то зажили, как и полагается, втроем, в любви и согласии. Оно полюбило нас и море, к которому часто ходило.

Мы – очень красивая молодая семья. О себе я уже говорила. Он высокий, бледный, с темными волосами, черными глазами и мужественными, чуть грубоватыми чертами лица. Оно внешне похоже на то, что люди называют ангелом (да от Него, собственно говоря и пошли эти легенды): светлые, блестящие кудри, нежные черты лица, большие синие глаза с длинными загнутыми ресницами.

Когда нас стало трое мы, наконец-то, разделили обязанности, как положено. Он – насильственная смерть. Его встречают в бою, в драке, в темных подворотнях и на освещенных

улицах и дорогах, в камерах пыток, от рук палачей с тупыми, бессмысленными лицами, в море и на небе и в миллионах других мест.

Я – смерть ненасильственная, но мучительная. Меня можно встретить в больнице, при родах, у себя дома, в гостях, на улице и в еще большем количестве месте, чем его. Еще я прихожу за самоубийцами.

Оно – смерть тихая, безмятежная и безболезненная. Оно часто приходит к старикам и иногда к детям. Но, смерть без боли и мучений такая редкость, что Оно занято меньше, чем мы. Гораздо меньше, но Оно не сидит без дела. Ведь Оно обладает феноменальной памятью. Оно помнит всех, кого мы забрали. Помнит, кто, когда и кого должен забрать. Поэтому вампиризм и прочее надолго стал только легендой. Вот только дядя Витя по-прежнему донимает всех нас, но чудовища – не в нашей компетенции.

4

Прошло пятнадцать лет. Дома в уже знакомом нам районе из старых превратились в аварийные. По городу ползли ядовитые испарения. Было серое утро пыльной весны.

По темному двору шла девушка. То была Даша – дочь Розы. По нездоровым канонам времени она считалась красивой, ведь была очень худенькой. Впрочем, этот город рождал таких тысячами. Независимо от моды на фигуру. Мать давно недоумевала, в кого девочка пошла – она мало походила на нее и отца. У Даши были светлые, почти совсем белые волосы, шоколадного цвета глаза и белая кожа, она была очень яркая в своей бесцветности.

Что до Розы, то она родила после Даши двух мальчиков и быстро превратилась в нервную, скандальную, вечно скупающую домохозяйку. Она ходила по дому и двору в старом халате, очень редко уходила дальше двора и была в целом вполне довольна жизнью. К тому же была она жуткой сплетницей. А еще она очень хотела, чтобы Даша после девятого класса (который оканчивала этой весной) пошла учиться на повара.

Даша подошла к неосвещенному окну на первом этаже и громко постучала в стекло. Через минуту из подъезда вышла ее лучшая подруга Лейла – дочь Лили. Девочки с детства были очень дружны. Когда-то их даже в шутку называ-

ли сестренками.

Лили давно здесь нет. Восемь лет назад она во второй раз вышла замуж и уехала из ненавистного города, чтобы никогда больше сюда не возвращаться.

Муж Лили – человек сказочно богатый – давно искал себе жену столь же сказочно красивую, как полагалось ему по статусу. Но он обладал чувством прекрасного, что крайне редко встречается среди богатых людей. Он прекрасно понимал, что красота и топ-модели – это вещи прямо противоположные друг другу. Только где искать красавицу он себе плохо представлял.

Однажды он приехал по делам в этот город и случайно встретил Лилию. И недолго думая, увез ее к себе в столицу. Если бы он подумал подольше, то наверняка женился бы на женщине, пусть менее красивой, зато гораздо менее умной. Но ему и в голову не пришло, что к такой красоте могут прилагаться еще и мозги. Да и силу характера Лили он здорово недооценил. Конечно же первое время она делала все, как скажет он. А когда ей надоело, то с легкостью подчинила его себе, о чем он до сих пор даже не догадывается. К тому же через год после свадьбы к нему пришла любовь сильная и страстная, первая в его жизни. Он до сих пор любит Лилию. А Лилия относилась и относится к нему как к мебели. Никогда она не простит ему отношения к себе как к красивой кукле, да и уровень интеллекта у него сильно подкачал, говорить с ним ей было не о чем.

Лиля блистала и сражала всех наповал везде, где бы ни появлялась. Первое время муж даже не пускал ее никуда без телохранителя, пока ей это окончательно не надоело. О ней заговорили. Женщины завидовали ей, мужчины завидовали ему и восхищались ею: многие – красотой, некоторые – умом, большинство – и тем и другим одновременно.

Первое время она отчаянно скучала, ее не радовали ни тряпки, ни дорогая косметика (впрочем, совершенно при ее внешности не нужная).

Потом она стала много гулять по городу, который внешне оказался немного повеселее, чем ее родной. От скуки снова занялась филологией, защитила диссертацию и хочет и дальше заниматься наукой.

Сейчас она преподает в университете, пишет профессорскую диссертацию, много путешествует (мечта детства и юности) и более или менее примирилась с жизнью.

Лейлу она видит редко. Девушка, в чем-то такая же прагматичная, как и мать, понимает ее, полностью оправдывает и не держит на нее зла. Поначалу, муж устраивал Лиле сцены, говорил, что не собирается воспитывать чужого ребенка; а теперь часто спрашивает, где Лиля планирует обучать Лейлу, и не лучше ли ей перебраться сюда и подготовиться к поступлению. Быть может, он предлагает это потому, что готов на все, чтобы Лиля не грустила (а грустит она часто), а может потому, что у них с Лилей нет детей и неизвестно, будут ли вообще.

Чувствует ли Лиля какую-то особую любовь к дочери или нет, но она прекрасно понимает, что уж если препроводила ее в наш несовершенный мир, то должна как-то помочь ей утвердиться в нем. Она регулярно посылает дочери деньги, они с дедом тратят мало, зато не боятся, что денег не хватит. Она покупает дочери наряды (правда, не всегда угадывает с размером из-за редких встреч, поэтому Даша тоже хорошо одета). Лейла же одевается просто, правда частенько укорачивает юбки и сарафаны. А еще Лиля постоянно уговаривает дочь перебраться к ней – в Москву, но Лейла всегда находит отговорки: то она деда не может оставить, то – Дашу. Не то, что бы она сильно любила родной город, но некоторые его обитатели ей дороги. А Лиля постоянно ищет новые аргументы в пользу переезда.

В отличие от Даши Лейла очень похожа на своих родителей. Она такая же высокая, смуглая, черноглазая и черноволосая, как отец. А фигура и правильные черты лица у нее от матери, и волосы тоже выются.

Девочки шли в школу, вдыхая зловонные испарения.

– Такой родной мерзкий запах, – сказала Даша.

– Скорее бы листья появились, что ли, а то пыльно, дышать нечем, – отозвалась Лейла и добавила: Даш, а может, прогуляем сегодня, а?

– Лейла, не соблазняй меня! И так давно там не были.

– Ну, ладно.

Школа, где они учились, не выделялась на фоне района

ни в лучшую, ни в худшую сторону. Уровень преподавания там был низкий, а тяга к знаниям и того ниже. Своими серыми стенами школа наводила тоску и у многих, независимо друг от друга, почему-то ассоциировалась с многоместным крематорием.

Первым уроком была литература. Даша, как назло, сегодня не взяла с собой ничего почитать и теперь с интересом смотрела в окно. За окном тоже было мало приятного, но все же гораздо больше, чем в классе. Лейла не выпалась и тупо смотрела прямо перед собой полусонными глазами. Учительница накануне проверила сочинения, которые девятый «В» написал месяц назад, и теперь громко делилась своими соображениями на этот счет: «Написали, в целом, неплохо, кроме... впрочем, как обычно... Арсланова. Арсланова, я к тебе обращаюсь!»

Лейла попыталась сфокусировать взгляд на учительнице: «Да?»

– Что – «да»? Ты учебник вообще открывала? Ну, что ты опять написала?! Разве в учебнике так сказано?

– Но, Мариванна, я написала то, что думаю. У меня и учебника-то нет, – шепнула Лейла Даше.

– У меня тоже, – ответила она.

– Арсланова, надо не думать, а писать, как положено! Что, по-твоему, учебник дураки писали?

– Не знаю, я не знакома с его авторами. Но, это мое личное мнение.

– Ах, личное!?! Твоего мнения здесь никто не спрашивает! На этот счет в литературе есть правильная точка зрения. Да и кого здесь интересует твое мнение?! Есть такие? Поднимите руки! Ну, вот, что и тре...

– Меня, – высоко подняла руку Даша, – меня интересует ее мнение.

– Ах, еще одна умная выискалась! – возмутилась явно такого не ожидавшая учительница.

– Да, теперь нас здесь двое.

– Что-о?! Да как ты..?! Кстати, Шеметова, почему я не видела твоей работы?

– Я не сдавала.

– Ну, вот, а еще умничаешь!

– Маривана, а если я учебник отксерокопирую, подойдет?

– Нет, нужно от руки... Что-о-о?! Вон из класса! Немедленно!

Даша спокойно положила тетрадь и ручку в сумку и вышла. Лейла подумала несколько секунд и поступила так же.

– Арсланова, а ты куда собралась? – в очередной раз возмутилась Мариванна.

– Пойду, учебник читаю, – не растерялась Лейла.

Она быстро догнала Дашу в коридоре и обняла за плечи. За спиной в классе Мариванна орала, что-то громко, но не долго.

– Даш, что это на тебя нашло? – спросила Лейла.

– Не знаю. Прорвало, наверное. Интересно. А Мариванна

умеет думать самостоятельно, без учебника?

– Вряд ли. Поэтому она – злейший враг собственного мнения.

– Да, ну ее! Не обращай внимания. Слушай, а может, – пойдем отсюда? А?

– Кто-то еще недавно говорил, что нужно сделать усилие. Мы и в правду давно здесь не показывались. Пришли, так пришли. Может, пойдем – покурим?

– Нет, я бросила. А ты что – начала?

– Нет, думала – ты хочешь.

Девочки сели на подоконник в коридоре и проболтали до конца первого урока.

Следующим уроком была история.

– Убираем учебники и тетради с парт, – объявил учитель.

– И кладем на колени, – добавила Даша.

К сожалению, учитель это услышал, взбесился и заставил всех положить учебники и тетради к нему на стол.

Пришлось положить и Даше. Лейла же свой забыла дома.

«Сегодня – не наш день», – резюмировала она, глядя на подругу.

Лейла любила историю вообще и ненавидела этот школьный предмет, она всегда недоумевала, зачем нужно знать столько дат. А у Даши просто не ладилось с историей. Обе честно прочитали вопросы на доске. Где-то они уже это слышали...

Лейла качнулась на стуле назад: «Са-ань».

Позади них сидел отличник, гордость класса и будущий известный химик Саня Васин. С тех пор, как девочки облюбовали предпоследнюю парту у окна, Саня оккупировал последнюю, и никакие усилия классного руководителя и других учителей не могли его оттуда выгнать.

– Сань, ты не знаешь ответ на первый вопрос?

– Да, а на все остальные ты сама знаешь?

– Нет.

– И молчишь. На, – (он вложил в руку Лейлы четыре ювелирной работы, выполненных каллиграфическим почерком шпиргалки).

– А мне? – спросила Даша.

– У нас же один вариант. Подожди. Спишу и отдам.

– Эх, ты, а еще – отличник...

На следующей перемене Саня ехидно сообщил девочкам: «А по алгебре сегодня тоже контрольная. Надеюсь – вы готовились».

Лейла испепелила его взглядом, а Даша спокойно спросила: «Сань?»

– Что?

– Ты меня любишь?

– Ну, – обалдело ответил он.

– Я так и думала, что ты решишь за меня. Ну, хотя бы несколько заданий. Мне больше «тройки» не нужно. А?

– Ладно.

– А мне? – спросила Лейла.

– Обнаглела, тебе в прошлый раз решал. Сегодня моя очередь, – возмутилась Даша.

Саня лукаво прищурил глаза и улыбнулся улыбкой лове- ласа: «Девочки, не ссорьтесь из-за меня! Меня на всех хватит!»

– А выдержишь? – с сомнением покосилась на него Лейла.

– Выдержу. Не бойтесь. И тебе решу, и тебе решу. И себе.

Небольшого роста, худенький и страшненький, Саня со- всем не походил на юношу чьей-нибудь мечты. Зато у него были очень красивые сине-зеленые глаза и добрая улыбка. А еще он знал множество пошлых анекдотов и из-за это- го Дашу – трижды, а Лейлу – дважды выгоняли из класса за смех на уроке. А однажды выгнали и всех троих.

Алгебра проходила в ужасно скучном беленом кабинете со старой доской и без единого цветочка. По замыслу учи- теля в нем ничто не должно было отвлекать от математики. А на деле ничто к ней не привлекало.

Алгебру вела престарелая, временами впадающая в ма- разм Александра Сергеевна. Она же с незапамятных вре- мен возглавляла школу и ненавидела еще родителей ее ны- нешних учеников. Выглядела она просто ужасно, хотя за по- следние десять лет совсем не изменилась. Она имела круг- лые, совиные, безобразно подведенные глаза; нелепую при- ческу, напоминающую сахарную вату; бесформенное туло- вище и очень кривые ноги (в школьном коридоре на третьем этаже висели рисунки учеников; ухват на рисунке «Деревен-

ская изба» школьники давно прозвали между собой скелетом Александры Сергеевны).

С юных лет влюбленная в точную науку, она ненавидела учеников с гуманитарным складом ума, творчески мыслящих и вообще – любых, кто хоть что-то собой представлял как личность. С юных же лет она пыталась с упорством достойным лучшего применения увлечь всех поголовно математикой. Обычно, по прошествии стольких лет, даже самые талантливые и самые тупые учителя понимают, что абсолютно всех своим предметом не увлечешь, как не пытайся, но в ее случае... блажен, кто верует.

Еще Александра Сергеевна имела постоянные конфликты с учительницей химии. Та была единственной учительницей в школе, чьему предмету всегда было гарантировано внимание лучшей части класса. Химичка хорошо одевалась, вела себя со школьным руководством нагло и часто, не во что, не ставя школьные правила, устанавливала свои порядки. Но уволить ее директор не могла – химики в их окраинную школу не шли, и учительница химии прекрасно это знала.

Сейчас взгляд совиных глаз Александры Сергеевны неспешно скользил по классу, пока не остановился на предпоследней парте у окна. Арсланова и Шеметова – альфа и омега журнала 9-го «В» (список начинался фамилией Лейлы и заканчивался Дашиной) – давно были предметом пристального внимания и неугасающей ненависти учительницы.

цы математики, и было на то две причины. Во-первых, обе игнорировали ее предмет, проявляли преступную невнимательность на уроках, к тому же – каким-то непостижимым образом время от времени умудрялись писать контрольные на «тройки», и выставить им по «двойке» за четверть не получалось ни разу. Вторая причина ненависти плавно вытекала из первой: Александра Сергеевна могла понять, хоть и не могла простить, не любовь к математике, но презрение девочек к оценкам, не понимала никогда. Все школьники, независимо от успеваемости, дорожат оценками, бегают их исправлять, выпрашивают их с родителями и унижаются из-за них. Но только не эти две. Такого поведения учительница математики не понимала, а при ее складе ума, все, чего она не понимала, тут же вызывало ее ненависть.

Она, прищурившись, смотрела на девочек, раздумывая, какую гадость она может им сделать. Ее размышления прервал звонок с урока.

– Сдаем тетради! Оценки за предыдущую контрольную можно исправить сегодня после шестого урока, – сказала она.

– Спасибо большое, Вась, – почти хором сказали Даша и Лейла.

Естественно, после шестого урока исправлять оценки они не пошли и преспокойно направились к выходу. Но спокойно уйти им не дали.

– Арсланова, Шеметова, куда это вы собрались? – донесся

им вдогонку вопрос.

– Домой, – ответила Лейла.

– Не понимаю, почему тебя это заинтересовало? – ответила Даша.

Вопрошающей оказалась Марина Лётова – отличница и не меньшая гордость класса, чем Саня Васин, но не обладающая, в отличие от него, чувством юмора.

– А оценки вы когда думаете исправлять? – не унималась она.

– У нас есть дела поинтереснее, правда, Лейла? Тебе надо – ты и исправляй.

– Мне нечего исправлять, – возмущенно произнесла Марина.

– Ну, за нас исправь, тебе же не трудно.

– Вот, еще, – за таких бездельниц! О чем вы думаете? Какие у вас будут аттестаты?

– «Тройкой» больше, «тройкой» меньше – подумаешь! Ты бы лучше за собой следила, – продолжать бессмысленный спор Даше не хотелось, но и оставить последнее слово за Мариной она не могла.

– Я всегда за собой слежу, – ответила Марина, уверенная в собственной правоте.

– Вот и молодец. Только заучилась ты совсем. Так и молодость пройдет, – назидательно произнесла Даша, – Есть в жизни вещи поважнее учебы.

– Важнее учебы? Я тебя не понимаю! Образование –

это же – путевка в жизнь. От него все зависит! Пока мы учимся – нет ничего, главное учебы!

– Да ты что?..

Лейла не участвовала в перепалке. При последних словах губы ее задрожали, и по щеке покатилась слеза.

Увидев брезгливое недоумение на лице Марины Даша повернулась к подруге. Лейла рыдала. На лице Даши отразилось еще большее недоумение.

– Лейла, ты чего?

– Да, Маринку жалко стало. Бе-едная... Учеба – главное в жизни... Какой у-ужас!..

Марина пожала плечами и подумала: «Себя пожалей, двоичница», – и удалилась. Даша растеряно улыбнулась, взяла Лейлу за руку и увела.

5

Была поздняя ночь. Или – раннее утро. По тропинке среди кустов вдоль высокого забора из железных прутьев шла молодая женщина. Она шла, опасливо озираясь (было видно, что она сильно нервничает), вздрагивая от каждого шороха и пугаясь каждой тени, которые в изобилии отбрасывали высокие кусты под светом фонаря. Легкий ветерок лохматил ее густые светлые волосы. Пухлые губы были приоткрыты. Большие зеленоватые глаза всегда были широко раскрыты, как будто от испуга.

Хрустнула ветка. Женщина вздрогнула и схватилась за сердце. Из кустов вышел какой-то мужчина. Он был на вид чуть старше ее (года двадцать два), среднего роста со смуглой кожей и волнистыми темно-русыми волосами. Глаза женщины расширились от ужаса, рот открылся в беззвучном крике и она, приподняв руки, стала отступать назад.

Незнакомец встревожено посмотрел на нее.

– Простите, я вас напугал? – спросил он.

– Не то слово. Я думала... вы...

– Маньяк?

– Маньяк? Ну... да.

– А что вы здесь делаете так поздно?

– Я? А вы?

– Да, стою тут, жертву поджидаю, смотрю – вы идете.

– Правда?

– Нет, что вы, я пошутил. И, знаете, я все-таки – мужчина. Вряд ли какой-нибудь маньяк на меня позарится. Хотя... маньяки бывают разные... Господи, да вы вся дрожите. Ну, не бойтесь вы меня – я вас не обижу. Давайте знакомиться. Меня зовут Антон.

– А я... Я не люблю свое имя. Зовите меня Лика.

– Лика? Ну, ладно.

В длинном двухэтажном здании за забором тускло горели два окна. Вдруг, одно за другим зажглись сразу несколько. В здании чувствовалось какое-то движение.

– Что там? – спросил Антон.

– Психушка, – ответила Лика, – Что-то они там забегали. Побег, наверное. Пойдем отсюда – мне страшно.

– Ну, еще бы не страшно – гулять ночью возле психушки. Пойдем. Ты так и не ответила, что ты здесь делаешь.

– Понимаешь, я родилась не здесь. В этом городе я долго пыталась найти себя, но не получилось. И однажды я поняла, что очень скучаю по своему родному городу. Здесь меня ничто не держит, и я решила вернуться туда.

– В пять утра? – удивился Антон.

– А что? Зачем ждать.

– А из какого ты города?

– Вряд ли ты о нем слышал. Там большой химкомбинат. Все дети там учат химию, все местные писатели прославляют ее, а все местные жители задыхаются от выбросов.

– И ты туда так рвешься?

– Там – моя родина. Да и здесь ничуть не лучше, только другое градообразующее предприятие.

Они, спотыкаясь, шли по немощенной дороге. Психиатрическая больница находилась в большом поселке с одноэтажными домами, невысокими заборами и садами со старыми деревьями. Поселок пережитком прошлого торчал посреди большого современного города. Видимо, место расположения больницы определял ее будущий пациент потому, что лучшие условия для побега предусмотреть было трудно. Сейчас поселок окутывали предрассветные сумерки. Было тихо, даже собаки не лаяли.

– Лик, а на чем ты поедешь домой? На поезде или автобусе? Это вообще – далеко?

– Нет, недалеко. Но у меня нет денег. Я поеду автостопом.

– Не боишься, – удивился Антон.

– Не боюсь. Я не раз это делала. К тому же – есть определенные правила.

– Какие? – заинтересовался Антон.

– Они совсем не сложные, – ответили Лика, – Одежда (особенно – для девушек) лучше всего свободная, мешковатая. Никаких коротких юбок, ничего облегающего, никакой косметики. Волосы лучше всего убрать под кепку или бандану. Голосуя нужно стоять лицом к движению. Не садиться в машину, где больше двух человек. Не садиться в машину, которая останавливается сама. Вообще – лучше не путеше-

ствовать одному. Безопаснее всего – вдвоем. В идеале – парень и девушка.

– Интересно. Слушай, Лик, я тут подумал... Я здесь тоже совершенно один. Меня никто не любит и не ждет. В общем – можно – я поеду с тобой?

– Со мной? – Лика ничуть не удивилась, – Не боишься?

– Нет.

– Знаешь, никому другому я бы не разрешила, но к тебе я как-то сразу прониклась доверием. Поехали. У меня там квартира. Первое время можешь пожить у меня.

Вскоре они вышли на освещенную рассветным солнцем трассу, быстро поймали машину и вечером уже были в родном городе Лики.

6

Мы уже долго живем вместе. Как и почти каждая молодая семья мы планируем завести детей.

Нам предстоит решить много важных вопросов. Например: ребенок какого пола будет старшим. Не удивляйтесь – в отличие от людей мы – смерти всегда точно знаем, какого пола будет еще не родившийся ребенок. Все просто – от союза двоих рождается ребенок третьего пола. Всего детей должно быть трое – по одному каждого пола.

Нам и плоть, собственно говоря, дается только для того, чтобы продлить наш род. Мы не едим, нам не нужен воздух и сон. Нам нужна только любовь. Постепенно мы стареем и плоть начинает сходиться с нас. Остается только скелет и живет еще долго, пока не рассыплется в прах. Именно по этому у людей есть представление обо мне и как о прекрасном ангеле смерти и как о скелете в черном балахоне и с острой косой.

Положено, чтобы детей было трое. Положено. В этом то и вся проблема. Дело в том, что наше Оно бесплодно. То есть – не совсем бесплодно: я и Оно можем породить мальчика, но Оно не может родить девочку от союза с Ним. Но детей должно быть трое. Иначе – нельзя.

Оно осталось бесплодным очень нелепо. Просто, однажды отправилось забирать старика, прожившего безмятежную

жизнь и ожидавшего безмятежной смерти. Ничего не предвещало беды. Но дух старика неожиданно разбушевался. То ли захотелось под конец сделать что-то плохое, то ли просто накопилась не растроченная за жизнь энергия разрушения. В маленькой квартирке лопались и салютом летели на улицу стекла, мебель летала и билась о стены. Отлетело и ударилось о стену и Оно. Усмиряя старика, Оно и получило травму. Тем более, что до этого Оно не имело подобного опыта, а звать нас на помощь не стало и совершенно зря.

Но, девочка, тем не менее нам нужна. Я долго думала над этим и решила – а не сделать ли нам как люди? Люди в таких случаях берут приемных детей. Я не слышала о подобных случаях среди смертей, но это значит только то, что мы будем первыми. Почему бы и нет? Я, вообще, почти не отличаюсь от обычной женщины, ну, разве что, гораздо большим, чем у людей зарядом жизненной энергии которая не оставит меня даже тогда, когда я утрачу плоть.

Да, с девочкой нужно что-то решать и чем быстрее, тем лучше – Оно беспокоится. Боится, что мы найдем себе другое Оно. Боится, впрочем, совершенно зря. Во-первых, мы любим наше Оно и ни на кого не променяем, а во-вторых, к счастью или к сожалению – наши браки нерасторжимы.

И девочка на примете у меня уже есть. Тем более, что все равно ее скоро заберет Он. Один раз она уже глупо и нелепо избежала Его (насильственной смерти), но во второй раз это вряд ли получится. Вот, только как ее уговорить? Ведь она

может не согласиться стать смертью, а просто уйти туда, куда уходят все люди, встретившиеся с нами. Но, я попытаюсь.

А познакомились мы с ней так. Однажды я шла по маленькому, некрасивому скверу в столь же некрасивом районе столь же некрасивого города (я, конечно, понимаю, что архитектура недолговечна, но неужели людям не противно жить в таком месте?). Я должна была забрать какого-то старика. Я не спешила. Вдруг (это при том, что неожиданность для меня почти исключена) кто-то сзади схватил меня и приставил нож к горлу. Я очень удивилась. Люди не видят меня, если я сама того не хочу (надо ли говорить, что я не хочу), живые люди разумеется. Это позже я узнала, что люди с нарушенной психикой, особенно убийцы – могут видеть нас независимо от нашего желания. Но это я узнала позже, а сейчас я одной рукой захватила руку с ножом у своей шеи и потянула ее вниз, а другой толкнула вверх локоть и сняла захват (надо ли говорить, что я сильнее самого сильного из людей). Еще я, не целясь, пнула ногой позади себя и, видимо, попала.

Я быстро обернулась. На меня смотрел совершенно обалдевший, с позволения сказать, мужчина. С ножом. Он некоторое время недоуменно смотрел на меня, потом занес нож и шагнул вперед. Ярость захлестнула меня, и я бросилась не него. Потом я услышала: «Так, я не понял, что здесь происходит?» – и увидела знакомую руку на плече моего противника. Это был Он.

Он еще несколько раз ударил этого ненормального, а по-

том забрал его (не оставляют жить с такими повреждениями).

– Что это было? – удивленно спросил дух ненормального.

– Отстать, не до тебя сейчас, – ответила я.

– Милый, ты за ним пришел или почувствовал, что у меня проблемы?

– Вообще-то я пришел за девочкой, убитой его руками. Вот, только девочка не убита. Повезло ей.

– Слушай, это не про него ты мне столько рассказывал? Он – маньяк?

– Маньяк, еще какой. Давно я с ним знаком. Кстати, Оно мне только сегодня говорило, что ему суждена нелепая смерть. Честно говоря, давно мечтал это сделать. Нет, ну это надо додуматься – на тебя напасть!

– Да-а...

– Тебя проводить?

– Не надо. Я надеюсь – он такой один. Лучше уведи его.

– Ладно.

На выходе из парка я встретила маленькую девочку, хорошенькую – со светлыми волосами и карими глазами – в розовой курточке. Я сделала так, чтобы она меня увидела.

– Что ты стоишь здесь? Уже поздно.

– Я боюсь. Говорят, что в парке маньяк.

– Глупости говорят. Никого там нет. Но, если хочешь – пойдем вместе. И, вообще тебе нужно ходить другой дорогой. Все-таки мало ли...

Я провела ее через парк так, чтобы она не увидела лежащего там трупа.

И вот скоро ей снова предстоит встретиться с безумцем. И на этот раз Он заберет ее. А перед этим ее предаст та, кому она доверяла. Врагу не пожелаешь так умереть.

Жаль ее. Обычно я не чувствую жалости, но обычно я не встречаю человека больше одного раза. А, если встречаешься чаще – сама собой возникает симпатия.

Она не проживет даже короткой человеческой жизни, а с нами сможет дожить то, что не дожила. Сможет, но захочет ли? Я не знаю.

7.

Было очередное серое утро. Марина, не торопясь, шла в школу. Выходила она всегда задолго до звонка, поэтому опоздать не боялась. Мимо проносились машины (она шла вдоль дороги). Девушка была настолько погружена в свои мысли, что не замечала ничего вокруг.

Непонятная истерика Лейлы поразила ее гораздо больше, чем она хотела то показать. Обычно она не обращала внимания на этих двух подружек, искренне не понимая их беспечности по поводу будущего. Ну, куда они поступят с такими оценками? Но сейчас ее рациональный ум отказывался понимать непонятную жалость Лейлы к ней и ее странные приоритеты. Что сейчас может быть важнее учебы? Сейчас

нужно учиться, получать образование, делать карьеру.

Все эти мудрые мысли ей с детства внушали родители и добились своего, вскоре девочка стала думать также.

Мать Марины работала учителем физики в вечерней школе. Сама она окончила школу с медалью, а институт – с красным дипломом. Отец всю жизнь проработал бухгалтером. И у него имелась медаль и красный диплом. И они оба в один голос твердили дочери: «Учись на „отлично“, доченька. С медалью в любой ВУЗ поступишь. Окончишь с красным дипломом, на работу будет легко устроиться. Будешь хорошо работать – тебя заметят и повысят – карьеру сделаешь».

Родителям Марина верила и делала все, как они говорили. Несоответствие между словами родителей и их успехами в карьерном росте девочка почему-то упорно не замечала.

Столь же упорно мать внушала ей, что нужно быть скромной и аккуратной, ведь одежда и внешность – не главное. Главное – ум. И Марина одевалась скромно и аккуратно: однотонные водолазки, строгие пиджаки, длинные юбки (самая короткая чуть ниже колена), простая обувь – все темных, сдержанных тонов. Волосы собраны в пучок, ни какой косметики, маникюра и украшений.

В школе она не была одинока, у нее было несколько приятельниц (все-таки характер – такой силы подавления притягивает). Подруг у нее не было, но она в них и не нуждалась. Приходя после школы домой, сразу делала уроки (уроки она

делала тщательно и быстро. Многолетняя практика.) и читала что-нибудь полезное.

Вот только русский язык! Сколько она не зубрила правила, но всегда была патологически безграмотна. От «троек» по русскому за четверть спасали только хорошие устные ответы. Однажды, написав четвертной диктант, оценка, за который на многое влияла, Марина чуть не расплакалась. Тогда сердобольная Лейла предложила проверить Маринин диктант. Нет, это была не злая шутка. Лейла, не знавшая ни одного правила, писала без единой орфографической или пунктуационной ошибки. Даже в начальной школе, при всей детской невнимательности Лейла делала на удивление мало ошибок, с класса с пятого перестала делать совсем. Тогда Марина с возмущением отказалась от предложения – она все привыкла делать сама...

Ее размышления прервали визг тормозов и грохот. Она вздрогнула, очнулась от раздумий и увидела в паре метров от себя мотоцикл, врезавшийся в столб, и парня в черной кожаной куртке на земле. Лицо его и нога в светлых джинсах были в крови. Он тяжело дышал, глаза были полуприкрыты.

Что делать? Вызвать «скорую»? Но, у этого района есть одна неприятная особенность, телефонов там нет – не проложен кабель. И Марина побежала по безлюдным улицам в поисках человека с «мобильным». Вскоре она нашла его и звала «скорую».

Быстро вернулась к месту аварии – парень не перестал ды-

шать, и это радовало. «Скорая» долго не приезжала. Обычно в таких случаях милиция оказывается на месте гораздо быстрее «скорой», но сегодня милицию никто не вызвал.

Наконец красно-белая машина подъехала к месту происшествия.

Парня подняли и положили на носилки. Видимо их слишком резко трянули, когда заносили в машину, потому что парень вдруг открыл глаза. Он посмотрел на Марину и улыбнулся.

– Подождите, – сказала девушка, – я поеду с вами.

– А в чем дело? – спросил полноватый веселый доктор. – Жених твой, что ли?

– Э-э-э... Да.

Марина провела в больнице несколько часов. Она сидела у дверей хирургического отделения, пока проходившая мимо медсестра не сказала: «Шла бы ты домой, деточка. Не волнуйся ты так – будет жить твой красавчик. Приходи завтра навещать».

Тогда Марина поднялась и побрела домой. В школу в тот день она не пошла. Впервые за все школьные годы. Учителя в тот день, один за другим с удивлением отметили отсутствие Лётовой, одноклассники же значения не придали, только заметили, что чего-то не хватает. Даша в тот день пребывала в премерзком настроении. Лейла сначала решила ее не трогать, но потом подумала, что спросить все же не помешает – хотя бы из элементарной вежливости.

– Даш, ты сегодня какая-то странная.

– Странная? Может быть.

– Что-то случилось?

– Да, нет... Просто, настроение плохое. Сон приснился.

– Расскажи, может, скажу, что он значит.

– Такое не растолкуешь – это воспоминание.

– Ну, расскажи воспоминание. Может, полегчает.

– Это случилось, когда мне было семь лет. Я засиделась в гостях у бабушки и, когда возвращалась домой, было довольно поздно. Самая короткая дорога – через сквер. Но, ночью она выглядела просто устрашающе. К тому же, поговаривали, что там хозяйничает маньяк. Помнишь?

– Еще бы.

– Однажды там уже нашли мертвую женщину. Я, конечно, могла пойти другой дорогой, другой дорогой было так же страшно. Я стояла, не решаясь войти в сквер.

Вдруг я увидела женщину. Красивую женщину, одетую в длинный черный плащ. Скорее даже не плащ, а балахон с накинутым капюшоном.

– Что ты стоишь здесь? Уже поздно, – спросила меня она.

– Я боюсь. Говорят, что в парке – маньяк.

– Глупости говорят. Никого там нет. Но, если хочешь – пойдем вместе. И, вообще тебе нужно ходить другой дорогой. Все-таки – мало ли...

Мы пошли через сквер. Мне стало еще страшнее. Это был какой-то дикий, непонятный и не поддающийся описанию

страх. Никогда не забуду яркое сине-фиолетовое небо и черные ветки на его фоне.

Мы вышли из сквера, и я пошла домой. Я оглянулась. На встречу женщине шел мужчина в таком же плаще-балахоне. Я поспешила уйти.

Утром в сквере нашли мертвого маньяка, сильно избитого. Мне почему-то показалось, что, когда мы проходили через сквер – он был уже мертв. Странно, что я его не видела. До сих пор по возможности стараюсь не ходить через этот сквер.

И до сих пор не понимаю, чего я тогда так испугалась.

– Да, ладно, не переживай ты так. Наверное, это были какие-нибудь сектанты в балахонах. А ты просто была очень маленькая, вот и испугалась. Не бери в голову.

– Постараюсь.

– Да, ну их всех! Давай лучше с двух последних уроков свалим

– Давай.

Водитель высадил их на окраине города.

«Пойдем, здесь недалеко», – сказала Лика.

Она просто светилась от счастья. Закатное солнце золотило серый асфальт и убогие двухэтажные дома. Антон с любопытством оглядывался вокруг. Лика улыбалась ему, а потом, раскинув руки и подняв лицо к небу, закружилась: «Я дома! Дома! Дома!»

Ветер нес по улицам пыль. Снег уже растаял, а листьев еще не было. Да, и деревьев было мало. Закат, конечно, несколько сглаживал убогость, если это можно так назвать, – архитектуры; но Антон почувствовал себя неудобно. «Наверное, здесь живут агрессивные люди, – подумал он. – В такой обстановке быстро станешь агрессивным».

«Нам сюда», – сказала Лика.

Они свернули во двор, вошли в одни из темных, одинаковых подъездов и поднялись на второй этаж. Лика пошвырялась в большой щели в стене прутиком, поднятым еще на улице, и вытащила оттуда ключ. Потом открыла дверь, бросила ключ обратно в щель и захлопнула дверь, когда они вошли в квартиру.

Первым впечатлением Антона от нового места стал запах.

– Ни, хрена себе! Лика, что это за запах?

– Запах? Какой запах? А, этот. У меня шесть кошек.

– И они ждали тебя здесь все это время? Без еды, я так понимаю.

– Ну, что ты говоришь. Мама уже больше года как уехала в деревню и увезла их всех с собой.

– Жаль, запах нельзя увести.

– Ну, что ты придираешься.

– И, действительно, что это я?

Лица была так счастлива, что Антону стало стыдно за свои комментарии. Мало ли, кто как привык. Широко открытые глаза Лики светились радостью.

Квартира была трехкомнатная. Прямо напротив входной двери находилась небольшая кухня, по дороге в кухню – ванная. В коридоре было темно – двери в комнаты были закрыты. Направо по коридору находилась небольшая комната с кроватью и письменным столом. От пола до потолка весели кривые полки с книгами и разным хламом между ними, на полу были кипы старых газет и тоже хлам. Постель была незаправленна и смята, словно хозяйка только что встала, но покрыта толстым слоем пыли.

Во второй – большой – комнате (прямо по коридору, который тоже был сильно захламлен); были два старых шкафа (вся мебель в квартире была старой), стол и диван. Под столом была подстилка из одеяла, вонючая, видимо – для кошек, и две грязных, заплесневелых миски. А на полу все такой же хлам. Третья, маленькая, комната, смежная со второй была так заставлена, что зайти туда было не возможно.

Антон вздохнул и пошел на кухню. На столе стояла заплесневелая тарелка с чем-то недоеденным, кружка с чайным осадком на стенках, в раковине гора заплесневелой посуды.

В кухню вошла Лика.

– Лик, ты, наверное, очень торопилась, когда уезжала?

– Ну... да. А как ты узнал?

– Да, постель не заправлена, посуда не убрана.

– Антон, ты только пришел, а уже все критикуешь!

– Я не критикую. Я вижу – ты всегда такая стремительная...

– В смысле?

– В смысле – все стремительно решаешь и делаешь. Как сегодня утром.

– Ну, да.

Общими усилиями они вымыли посуду и немного прибрались на кухне. Потом Лика поставила чайник и долго объясняла Антону, где находится магазин, и Антон туда быстро сбегал.

На обратной дороге он встретил маленького, сухонького старика с выцветшими синими глазами и головой, неровно поросшей бородой и волосами.

– Эй, парень, у тебя сигаретки не будет?

– Нет, я не курю. Уже давно.

– А спичек?

– Спички есть – возьмите.

– А хлебушек есть?

– Есть, – Антон отломил старику хлеба.

– Вот спасибочки, парень.

Ли́ка открыла Антону дверь и взяла у него покупки: хлеб, сахар, чай в пакетиках, бублики и спички.

– Я смотрю, ты проголодался – полбуханки отъел.

– Это не я. Старика встретил, он попросил.

– Старика?! Так он еще жив! Это дядя Витя – он всегда чего-нибудь просит.

Они открыли окно, сняв с подоконника горшки с засохшими цветами, заварили чай и уселись пить его на подоконник. На небе зажигались звезды, силуэты домов чернели в голубом сумеречном воздухе, из двора неслись пьяные песни и крики.

– Лик, а почему ты уехала отсюда?

– Антон, тебе не кажется, что ты задаешь слишком много вопросов? Все спрашиваешь, спрашиваешь...

– Нет, не кажется. Мы же так мало знакомы. Я хочу узнать о тебе больше.

– А, мне кажется, что мы знакомы целую вечность.

– Да, пожалуй. Ну, так все-таки – почему?

– Я не люблю об этом говорить. Несчастливая любовь. Предательство друзей. А виновата во всем одна моя, так называемая, подруга, которой я верила как себе.

– Ладно, закроем тему. Извини, я тебя расстроил. Ну, не переживай ты так – почти у каждого была несчастная лю-

бовь. И у меня была девушка. Я ее так любил, а она... Вспоминать не хочется.

– Да, ладно тебе. Не так уж все плохо.

– Если мы встретились, то наверное – да...

Они разговаривали до полуночи, а потом уснули в обнимку на разобранной пыльной кровати.

На следующее утро Ли́ка слышала сквозь сон шум шагов на кухне, в коридоре, на лестнице, но долго не хотела просыпаться.

Когда она, наконец, встала, то увидела, что Антон хозяйничает на кухне. Он выдернул засохшие цветы из горшков и взрыхлил в них землю. В один из горшков он посадил одуванчик, выкопанный на улице. Он вымыл окно, стены и мебель на кухне, снял грязную занавеску, вытряхнул из холодильника, провалявшиеся там с отъезда Ли́ки, испорченные продукты и выкинул их, а по всему холодильнику (тоже тщательно вымытому изнутри и снаружи) разложил кусочки черного хлеба, чтобы убрать неприятный запах. Сейчас Антон развел стиральный порошок в ведре и собирался мыть пол в остатках облупившейся коричневой краски. Увидев Ли́ку, он улыбнулся ей.

– Доброе утро.

– Доброе. А ты, как я вижу – хозяйственный.

– Еще какой! А-то скажешь, что от меня никакой пользы, да выгонишь.

– Зачем ты так плохо обо мне думаешь? Не выгоню.

– Нет? Ой, спасибо. Присоединяйся.

В тот день они вымыли пол на кухне, привели в порядок ванную и вымыли коридор. Еще Антон укрепил кривые книжные полки в Ликиной комнате, и там они вымыли пол и немного прибрались. Правда, Лика наотрез отказалась разобрать коридор и убрать старые газеты с пола.

Лика вставала поздно, Антон же, независимо от того, во сколько лег, вставал ровно в шесть утра. Пока Лика спала, он сдал в пункты приема банки, которых, почему-то было много в коридоре, и старые газеты, а остальной хлам просто выкинул. Так за несколько дней он полностью очистил всю квартиру. Лика ничего не заметила, только удивлялась, что стало как-то просторнее.

За те же несколько дней они помыли полы и окна во всей квартире, постирали занавески и пыльные Ликины вещи. Все три комнаты теперь обрели более или менее жилой вид. В доме стало светло и уютно. Вот, только запах несказанно бесил Антона и привыкнуть к нему он никак не мог. Но и эту проблему он решил.

Однажды он взял у соседа топор и мешок и автостопом, как учила Лика, поехал в еловый лес неподалеку от города и нарубил там полный мешок еловых лап.

Возвращаясь домой, он встретил дядю Витю.

– Сынок, а что у тебя там? – спросил старик.

– Еловые ветки.

– Дай одну.

– Возьмете, мне не жалко. Это – фитонцидное растение. Оно дезинфицирует помещение и оздоравливает воздух. (Да, я бы и тебя всего с удовольствием продезинфицировал, – подумал Антон.).

– Ой, спасибо. А сигареты у тебя есть?

– Я же говорил, что не курю.

– А спички?

– Ешь ты их, что ли, дядя Витя? На.

Антон разложил еловые ветки по всей квартире: на полу, на мебели, в шкафах и на шкафах, между оконными рамами. В квартире долго и сильно пахло новым годом, потом еловый запах несколько ослабел, но за это время запах кошек, не выдержав конкуренции, навсегда улетучился.

Денег и у Лики, и у Антона было очень мало, и они быстро кончились. Приведя квартиру в порядок они устроились на работу: Антон – грузчиком, Лика – техничкой. А по вечерам они гуляли, держась за руки.

После первой же зарплаты Антон отвел дядю Витю в парикмахерскую и купил новые рубашки себе и ему – неопрятный внешний вид старика оскорблял его.

8

Даша положила книги в большой пакет и уже потянулась к дверному замку, как ее окликнула мать.

– Даш, ты куда?

– К Лейле.

– К Лейле? А что в пакете? Опять книг у нее набрала!? Смотри, дочитаешься – будешь как ее мамаша – шибко умная. Только куда с этим умом потом устроишься? Не нужны никому умные-то!

– С высшим везде возьмут.

– С высшим? Даже не думай! На повара пойдешь учиться! И специальность быстро получишь, и повара везде нужны. А с высшим – и учиться долго, и не устроишься потом никуда.

– Однако тетя Лиля устроилась получше тебя, – сказала Даша и захлопнула дверь.

Никто из Дашиных учителей и одноклассников и не подозревал об ее тяге к знаниям. Учителя и одноклассники считали ее двоечницей, которой ничего не надо было в жизни. Исчерпывающая характеристика, особенно, учитывая то, что мало кому из них было от жизни что-нибудь нужно и еще меньшему количеству нужно что-то действительно важное. Самое интересное, что и одноклассники, и учителя знали о ее привычке читать на уроках, последние не раз ее за это

выгоняли. Но, что она читает, никому не было интересно, но все были твердо уверены, что ерунду.

Даша давно находилась в тяжелой депрессии. Безысходность существования угнетала ее. Ну, закончит девять классов; ну, пойдет учиться на повара и проработает всю жизнь в какой-нибудь столовой. И всю жизнь она проведет в этом сером смердящем городе, и всегда ее будут окружать то, что надоело с рождения. Девушка понимала, что так нельзя, что она должна быть сильной. Должна? Нет, она никому ничего не должна.

Даша часто представляла себе, как приходит ночью на единственный в городе мост, становиться на перила и падает спиной вперед, раскинув руки. Представляла, как ее принимает черная тяжелая вода, как смыкается над ней, а она погружается все глубже и глубже в замедленном падении...

Красиво. Но, Даша твердо знала, что никогда этого не сделает. Ведь, пока она жива – всегда можно что-то сделать, а после смерти делать будет уже поздно. Впрочем, Даша не считала смерть худшим исходом, но проверять свои догадки раньше времени не хотела.

Тем не менее, безысходность давила камнем на сердце, и Даше часто казалось, что она уже погружается, раскинув руки в черную тяжелую воду. Погружается уже давно. Это видение временами пугало ее, а временами – успокаивало.

Девушка медленно шла среди знакомых с детства домов.

Обшарпанные, без малейшего намека на архитектурные излишества. И еще недавно ее подруга так же смотрела на эти стены, и они смотрели на нее, подавляя ее личность, уродуя душу и ломая волю...

Лейла пришла домой из школы и раздраженно бросила сумку на пол.

Дедушка что-то делал на кухне, Лейла пошла к нему.

– Привет, дедуль. Что у нас на обед?

– Да, могла бы и сама приготовить! Я не обязан!

– С тобой все ясно. Так, не готовил бы.

– Ну, как же не приготовить для внучки. Суп с фрикадельками и компот. Все как любишь.

– Спасибо. Какой смешной фартук. Откуда он у тебя?

– Это бабушкин.

– Ясно.

В дверь постучали. Лейла открыла. На пороге стоял немощного вида старик.

– Привет, дядь Вить.

– Э-э-э...

– Лейла.

– Лейла, у тебя сигарет не будет.

– Я уже говорила, что не курю, сто раз уже.

– Ну, ты же курила.

– Курила не я, а Даша, да и она уже бросила.

– А...

– Дедушка дома. Де-ед! Иди – покорми дядю Витю.

– А покурить?

– Покурите после обеда. На улице.

Дедушка с дядей Витей гремели посудой на кухне. Лейла унесла тарелку и кружку с компотом к себе в комнату. Потом открыла доску и расставила шахматы на столе в комнате деда. После перекура старики всегда садились играть в шахматы.

Дедушке Лейлы было семьдесят четыре года. Когда-то профессор филологических наук и гроза студентов, он сильно сдал после смерти бабушки и теперь имел мягкий, неуравновешенный характер и во всем слушался Лейлу.

Девушка принимала все важные и неважные решения, вела хозяйство и семейный бюджет. А дедушка время от времени ходил на родительские собрания, где равнодушно выслушивал все, что учителя думают о его внучке, и грозно сверкал глазами на учительниц, когда-то бывших его студентками.

Учителя и большинство одноклассников считали Лейлу добродушной и туповатой. Такая всю жизнь проработает на заводе, ничего не добьется, но будет счастлива. Еще одна исчерпывающая характеристика.

Лейла действительно была добродушной. Не альтруистка, но всегда готовая помочь. А вот тупой она не была никогда. Воспитанная в интеллигентной семье и с детства привыкшая к хорошим книгам, она была начитанной и эрудированной. Здесь и крылся секрет ее безупречной грамотности.

Вот, только обнаруживать свои знания в школе Лейла не спешила и правильно делала. Там ценились только подробные пересказы учебника. И, вообще, в школе девушка обычно была погружена в себя или в болтовню с Дашей, за это и прослыла тупой.

Лейла включила музыку – в шкафу на полке— от греха подальше (первый этаж все-таки, обворуют еще) был спрятан дорогой музыкальный центр – подарок матери. Там же, как когда-то у Лили, половину шкафа занимали кассеты и диски с музыкой. Мать и дочь были во многом похожи. И слушала Лейла рок, как и Лиля. Только вкусы были несколько другие. Она любила «Наутилус», «Калинов мост», «Черный кофе», «Ночных снайперов» и «Ногу свело». Даша (здесь было несколько ее дисков) слушала «Агату Кристи», «Кино», «Удо» и «Арию». Обе они любили «Рамштайн», благо немецкого они не знали и не понимали о чем песни.

Сейчас играли «Снайперы». Рок, в сознании Лейлы всегда ассоциировался со свободой, а конкретно «Снайперы» словно бы звали в путь. Лейла давно мечтала уехать куда-нибудь подальше отсюда, но перспектива переезда к матери пугала – она действительно не хотела и не могла бросить деда и Дашу.

В дверь постучали. Лейла пошла открывать. На пороге стояла Даша с большим пакетом.

– Что, уже все прочитала? Быстро ты.

– Старалась.

– Да, ладно, могла бы и не торопиться.

– А я и не торопилась. Дашь еще чего-нибудь почитать?

– Ну, нет, не дам. Бери, конечно.

– Я вижу – у вас гости.

– Да – дядя Витя. Он часто приходит, пора бы уже привыкнуть.

– Даша, у тебя сигаретки не будет? – высунулся из дедушкиной комнаты дядя Витя: Лейла сказала, что ты куришь.

– Я сказала, что она бросила. А ты, я так понимаю, еще не накурился.

– Нет.

– Вот, куряка. Кури дедушкины.

Когда девочки зашли в комнату Лейлы, Даша спросила: «Слушай, а сколько ему лет?»

– Кому? – не поняла Лейла.

– Дяде Вите.

– Не знаю.

– И я не знаю. Сколько себя помню – он был таким.

– Вот, и я о том же.

– Но, ведь стариком можно быть долго.

– Можно, но неохота. Лучше уж молодым побыть подольше.

– Да, ну. Ничем не лучше. Все учишься и учишься ничему, да тоскуешь от безысходности. А старикам не так уж плохо – они безмятежны, они уже отмучились.

– Да, ладно, все не так уж плохо. А, вообще, – у тебя все в порядке? Ничего не случилось? Что-то ты грустная сего-

дня.

– Да, просто Вальку вспомнила и подумала, что она, наверное, сошла с ума потому, что жила здесь, тут кто угодно сойдет.

– Сколько она уже в психушке?

– Уже год.

– А ты все вспоминаешь. Ты же не виновата, что с ней такое случилось.

– Вроде – нет, но я не уверена. Мне все кажется, что я могла что-то сделать. И сама понимаю, что вряд ли. Она сама придумала себе мир и ушла в него отсюда.

– Ну, и что? Многие так делают.

– Да, но не многие считают, что все в этом мире из-за них и ради них.

– Ну, конечно! И так многие думают.

– Да, но не всем мерещатся заговоры против них. И голоса не все слышат.

– Что поделаешь, такова шизофрения. И не сама она это выбрала. Насколько мне известно – болезнь врожденная.

– Да, но от этого не легче ни ей, ни окружающим ее. Я случайно проходила мимо, когда ее забирали. Она увидела меня и так зло посмотрела, что до сих пор непосебе. Я больше чем уверена, что она думает, что ее забрали из-за меня.

– Да, не переживай ты так. Она же сейчас в другом городе.

– Ну, да. Отсюда ее перевели – слишком часто сбегала. И с чего Валька вдруг мне так вспомнилась, сама не знаю.

Наверное, мне просто грустно.

– Это точно.

– Надоело мне все. И впереди тоже ничего хорошего.

– Даш, но ты хоть в любовь еще веришь. Тебе есть чего ждать.

Как и все красивые девочки Лейла рано поняла, что любви нет, а если и есть, то не для нее. Кого при такой внешности заинтересует, что ты читала в переводе, а что – в оригинале.

– Уже не верю.

– Уже? Быстро ты.

– Да. Не то, чтобы очень. И смерти я давно уже не боюсь. Думаю, что это не худшее из всего, что может произойти. Иногда даже думаю – скорее бы.

– Не надо! Не говори так. А я все равно боюсь. Несмотря ни на что хочу жить.

– Счастливая...

Даша ушла поздно. Лейла с дедушкой предложили проводить ее, но она не боялась.

Лейла легла спать и заснула быстро. Спала в ту ночь она тревожно. Сквозь сон она чувствовала запах дыма. Еще ей казалось, что кто-то зовет ее, и она металась во сне. Проснулась девушка оттого, что кто-то громко и без звательной интонации произнес: «Лейла.»

Лейла открыла глаза. По стенам комнаты металась красноватые блики. Явственно чувствовался запах дыма. За окном кто-то монотонно бормотал на непонятном языке, вре-

мя от времени повторяя ее имя. Девушка встала с постели и выглянула в окно.

Под окном на земле горело пять небольших костров. Если приглядеться, то можно было заметить, что они образуют перевернутую пятиконечную звезду. В центре ее на земле сидел кто-то в черном с длинными темными волосами. Голова его была склонена, и он что-то монотонно, речитативом говорил.

Лейла открыла окно и выпрыгнула во двор. Таинственный некто, видимо был так сосредоточен, что не заметил этого. Девушка подошла к нему сзади и положила руку на плечо. Он вздрогнул всем телом, замолчал и обернулся. Лейла тут же его узнала. Это был семнадцатилетний Пашка – сатанист.

Пашка был сыном живущего неподалеку священника. Всего у него было четыре сына: один – молодой батюшка, недавно закончивший семинарию, и три – сатаниста. И все четверо – по-ангельски красивые.

Впрочем, Пашка напоминал ангела скорее падшего. У него были длинные черные волосы, бледное лицо, бархатные, чуть застенчивые карие глаза и красивые тонкие губы. Взгляд у него был слегка фанатичный. Он нравился многим девушкам, но почему-то только тем, кто не задумывался о его вероисповедании.

Увидев Лейлу, Паша широко и глупо улыбнулся.
– Ты меня звал? – осведомилась она.

– Э-э-э... Нет.

– Но ты повторял мое имя. Насколько я знаю – после смерти бабушки я тут единственная Лейла.

– Ну, да. Так надо.

– Надо? Это уже интересно. Зачем?

– Это приворотный ритуал. Я проведу его, и ты будешь меня любить.

– Правда?! – Лейла просияла так неподдельно, что Паша смутился, – Ты можешь сделать так, чтобы я полюбила?

– Могу, – неуверенно ответил он.

– Правда, можешь?! А-то я не верю в любовь.

– Ты? – удивился Пашка.

– Да, уже давно. А ведь я так хочу любить. И не могу. Это в моем-то возрасте! Но, ты же мне поможешь? Да? – Лейла откровенно издевалась над ним, но в каждой шутке только доля шутки.

– Паш, а что это за странный язык? – спросила Лейла.

– Это православные молитвы, прочитанные наоборот.

– Почему именно православные?

– Я их очень много знаю.

– А-а-а, понятно.

– Ой, Лейла, на тебя, наверное, православные молитвы не подействуют! Ты же мусульманка.

– Я атеистка.

– Да, а почему тогда – Лейла?

– Наверное, потому, что Фаритовна, не иначе. А вообще,

это дедушка настоял, чтобы меня назвали в честь бабушки. Они так любили друг друга.

– Наверное, всю жизнь прожили вместе?

– Нет, познакомились на свадьбе у моих родителей. Дедушка – мамин отец и бабушка – папина мама. Они десять лет прожили вместе, пока она не умерла. Дедушка ей стихи читал почти каждый день.

– Ну, вот видишь – любовь есть.

– Конечно – есть, только не для меня.

– А твои родители – атеисты?

– Нет, они в свое время не поделили мое вероисповедание.

Долго спорили из-за него.

– Неужели дали тебе возможность выбрать? – с недоверием спросил Пашка.

– Нет, просто спор выиграл дедушка. Ну, так, что? Ты сделаешь так, чтобы я полюбила?

– Конечно. Все во власти...

– И не говори. Вообще-то я замерзла. Все-таки не май месяц, а только начало апреля. Пойдем?

– Куда?

– Ко мне в гости.

– П-пойдем.

Лейла с легкостью запрыгнула на подоконник и скрылась в темной комнате. Паша, немного помедлив, последовал за ней. Он влез в комнату и не увидел там девушки.

– Лейла? – негромко позвал он.

– Я здесь, – ответила она откуда-то из коридора. В следующую секунду ее силуэт показался в светлеющем дверном проеме. Паша зачарованно смотрел, как она плавно, по-кошачьи двигается. Ему было не по себе, руки его дрожали. Колени подгибались. Лейла вошла в комнату и притворила за собой дверь.

– Паш, закрой окно. Дует и воняет костром...

Рано утром в предрассветной мгле Паша вылез из окна, и Лейла закрыла его. На земле дымились остатки пяти костров. Парень шел на автопилоте, не обращая внимания на дорогу. Глаза его горели. На лице было удивленно-просветленное выражение, в уме он прикидывал, чем дома можно отравиться...

9

В последнее время я стала часто бывать в этом районе. Время от времени я заглядываю в больницу – забираю тех, кто меня ждет, а иногда и тех, кто не ждет. Я часто навещала одного парня – мотоциклиста. Он слишком долго был на грани между жизнью и мной, но, побывав у него в последний раз, я поняла, что мы еще долго не увидимся. Так лучше. Не люблю забирать молодых – человеческая жизнь и так слишком коротка. Пусть лучше дружит с девушкой, которая часто навещает его.

После больницы решила навестить ту девочку – мою старую знакомую. Вчера она сказала что-то такое, что, я думаю, поможет нашему разговору.

Она шла по безлюдному переулку. Обычно, Он бывает в таких местах гораздо чаще, чем я. Я стала видимой для нее. Сама она меня не увидела бы. Меня видят только люди с нарушенной психикой и некоторые убийцы. Я подошла к ней: «Здравствуй, Даша».

Девушка вздрогнула, услышав мой голос. Увидев меня, она в бессильном ужасе вжалась в стену ближайшего дома, глаза ее расширились от страха. Но ни уйти, ни убежать она естественно не могла.

– В чем дело? Ты же не боишься меня? Ты еще вчера говорила...

– ...

– А вообще – глупости все это – меня все боятся, независимо от того, кто и что говорит. Но ты не бойся. Я пришла не за тобой. За тобой придет Он, а не я.

– А зачем тогда?

Даше стало немного легче. Как и полагается, она с первой же секунды поняла, кто перед ней. Вот, только, почему лицо кажется таким знакомым?

– Поговорить.

– Поговорить???

– Да, понимаешь, (я даже не знаю, с чего начать) я не хочу, чтобы ты умирала.

– Мы все умрем.

– Конечно, и даже я, но послушай меня. Нашей семье нужна девочка.

– Семье?

– Да, у меня прекрасная семья: я, Он и Оно. И мы не можем родить девочку. А детей должно быть трое.

– Оно? Это как? А причем здесь я?

– Мы хотим тебя удочерить.

– Спасибо, у меня есть родители. А я всегда думала, что ты похожа на скелет.

– Я еще молодая. А скелетом стану лишь в глубокой старости.

– И косы у тебя нет.

– Да, просто мне с распущенными волосами больше нра-

ВИТСЯ.

– Я не это имела в виду.

– А, это. Глупости какие. Зачем? Она мне не нужна. Ну, так, что? Ты не ответила на мой вопрос.

– Я ответила – нет.

– Может, подумаешь?

– Я уже подумала.

– Но, ты же умрешь!

– Все мы умрем.

– Но ты умрешь скоро. Очень скоро, – я не хотела ей этого говорить, не хотела расстраивать, но вырвалось.

– Туда мне и дорога. До свидания.

– До встречи.

Я снова стала невидимой для живых и отправилась дальше по своим делам. Я задумалась: как же ее уговорить? Или, может – взять другую? Но, я уже привыкла к ней, да и жить ей осталось совсем недолго.

Я глубоко задумалась, запнулась обо что-то и растянулась на земле. Что ни говори, но смотреть под ноги, хотя бы время от времени нужно даже мне.

– Девушка, вы не ушиблись?

– Нет.

Молодой человек, смуглый, с карими глазами и русыми волосами помог мне подняться и участливо улыбнулся.

– Будьте аккуратнее.

– Спасибо, буду обязательно.

– Антон, ты идешь? – светловолосая девушка с большими, словно испуганными глазами ревниво посмотрела на меня.

– Иду.

Когда он подошел к ней, девушка шепотом сказала ему: «Ну и плащ у нее. Просто балахон какой-то». «Да, ладно тебе, о вкусах не спорят», – отозвался он.

Я запаниковала. Неужели я забыла стать невидимой? Вроде – нет. Странно... Наверное, сегодня – не мой день. Потому, что для полного счастья мне сегодня не хватало только встречи с чудовищем. А навстречу мне, улыбаясь, двигался дядя Витя.

– Ой, доченька, часто тебя вижу, но постоянно забываю, как зовут. У тебя сигаретки не будет?

– Куренье – медленная смерть, а я и так с трудом справляюсь.

– А вот я никуда не тороплюсь. Я бы покурил.

– Извини.

Шел урок математики. Александра Сергеевна одного за другим вызывала учеников 9 «в» к доске, в тщетной надежде, что хоть кто-то что-то помнит. Но никто ничего не помнил. Последней вызвали Шеметову, так та даже выходить к доске отказалась, сказала, что бесполезно, она все равно ничего не знает. Совсем обнаглела. Александра Сергеевна поняла, что у нее только один выход: «Лётова. К доске».

Марина не слушала ответы одноклассников. Тему она знала, как всегда, отлично. Ее вызывали редко. Сейчас она обхватила руками голову и думала о Леше (так звали мотоциклиста): как он там, полегчало ли ему, пришел ли в сознание (до сих пор не приходил). Сегодня она пойдет навещать его и все узнает.

– Лётова, ты меня слышишь.

– Что?

– К доске! Ты, в последнее время, стала какая-то рассеянная. Смотри, если дальше так пойдет – могут пострадать твои оценки.

Марина ничего не ответила. Она спокойно вышла к доске («Маринина юбка развеивается как Ее балахон», – подумала Даша) и сделала то, что никому до нее не удавалось; рассказала, наконец, заданную тему. Пока рассказывала – смотрела на класс. Большинство скучали, на последней парте игра-

ли в карты. Вдруг Маринин взгляд буквально зацепился о Дашин. Шеметова смотрела прямо перед собой стеклянными от страха глазами. Арсланова ничего не замечала – она явно была на что-то или кого-то зла.

«У нее, наверное, что-то случилось, – подумала Марина, – надо будет подойти спросить, не нужно ли ей помочь. Может быть, ей что-нибудь объяснить». До сегодняшнего дня Марина интересовалась исключительно своими делами и учебой.

Рассказав теорему, она обернулась к доске и начала записывать по ней задачу.

После урока подошла к Даше.

– У тебя, наверное, что-то случилось?

– Не твое дело, – механически отозвалась Даша, – Марина? Откуда такая участливость? Ты не заболела?

– Нет. Может тебе чем-нибудь помочь? Объяснить что-нибудь?

– Не надо. Мне проще у Сани списать. Но, все равно спасибо.

– Лётова, зачем ты отбиваешь у меня клиентов? – вмешался Саня Васин.

– Клиентов? Они, что, платят тебе?

– Вы сами то поняли, что сказали? Отличники, блин, – вступила в разговор Лейла.

– Не нужно понимать все так буквально, – умиротворяющее улыбнулся Саня.

После уроков Марина направилась в районную больницу. К Леше. По дороге купила апельсинов – вдруг он уже очнулся или очнется сегодня.

Возле больницы встретила немощного вида старика.

– Дочка, у тебя курить есть?

– Я не курю.

– А спички?

– Нет.

– Ой, как жалко.

– Возьмите апельсин. Курить вредно.

– Вот, спасибочки.

Марина вошла в сырой больничный подвал, где была раздевалка. Она переобулась и подошла сдать вещи.

– Вы к нему? – спросила гардеробщица. Марина ответила.

– К нему уже пришли. Я не могу выдать халат. Для посетителей к одному больному выдается только один.

– Я подожду.

В подвал спустилась женщина в халате. На лице ее сияла улыбка.

– Очнулся мой Лешенька! Наконец-то, очнулся! – сказала она гардеробщице.

– Можете взять халат, – сказал гардеробщица Марине, – А почему ты не здороваешься? Это мама твоего парня, между прочим.

– Так ты Лешина девушка?

– Э-э-э... Да.

– Ой, какая ты аккуратная! Сразу видно, что девушка хорошая. Может, хоть ты уговоришь его бросить все эти мотоциклы? Он ведь убьется когда-нибудь!

– Я постараюсь.

Марина накинула халат и влетела на четвертый этаж. Она быстро нашла палату, робко приоткрыла дверь, вошла и резко остановилась на пороге, вдруг подумав, нужна ли она здесь.

Леша действительно очнулся и не спал. Только сейчас Марина поняла, что он симпатичный, несмотря на то, что ей такие не нравятся. У него – длинные светлые кудри, добрые голубые глаза с пушистыми ресницами и добрая улыбка. Про улыбку девушка поняла только сейчас – Леша улыбался ей: «Хорошо, что ты пришла. А то я уже испугался, что ты мне приснилась».

Девочки, не торопясь, шли из школы. Обе были погружены в себя и думали о своем. Молчание нарушила Лейла.

– А, действительно, Даша, что у тебя случилось? Ты сегодня какая-то напуганная. И подавленная очень...

– У меня? Ни-че-го. А у тебя что случилось? Ты злая, при том – уже не первый день.

– И у меня – ничего. Так, может, все-таки расскажешь?

– О таком не рассказывают. Наверно, я схожу с ума.

– С чего ты взяла?

– Я видела смерть.

– Все мы хоть раз в жизни видим смерть.

– Не как явление, а как личность.

– Личность, говоришь? Может, это какой-нибудь дистрофик из больницы сбежал, а тебе показалось – скелет.

– Она не скелет.

– Не скелет? И какая она из себя?

– Среднего роста, с хорошей фигурой. Глаза и волосы темные. Очень красивая.

– Красивая? Даша, ты меня пугаешь. А как ты поняла, что это смерть.

– Я ни минуты не сомневалась – сразу ее узнала. А еще мы разговаривали.

– О чем?

– Она говорила, что хочет меня удочерить.

– Удочерить?

– Ну, да. Их Оно не может родить девочку.

– Оно? Это уже интересно. Родить говоришь? Так они еще и размножаются? Какой ужас!

– И я никогда бы не подумала.

– Знаешь, что – зря ты так испугалась. Валька, конечно, далеко, но здесь остались ее друзья. Один Бог знает, кем они себя воображают. Вот и ходят – пугают народ.

– Но это была она – та женщина, которую я встретила в парке, когда мне было семь лет. И в таком же балахоне. Она совсем не изменилась.

– Слушай, а Вальке ты рассказывала про этот случай?

– Да.

– Ну, тогда это точно кто-то из ее знакомых. Наверно, напугать тебе решила. Или и в правду вообразила себя смертью.

– Но это была та же женщина, что и семь лет назад.

– Тебе показалось.

– Она сказала, что я скоро умру. Сказала за мной придет Он.

– Слушай, это уже не смешно! Теперь я за тебя боюсь. Постарайся не бывать в безлюдных местах и одна не ходить. А-то кто их знает, придурков. И в школу я сама за тобой зайду.

– Но, не по дороге же.

– Какая разница!

– Ладно, пойду я. Пока. Спасибо.

– Пока. И не переживай. Никто тебя не тронет.

– Хорошо, не буду.

Лейла медленно шла домой. Да-а... Дашке бы ее заботы... Еще одна сумасшедшая на Дашкину голову. Притягивает она их, что ли? Медом она, что ли намазана, или психотропным чем, что они там любят? Только от Вальки хоть немного отошла и на тебе... Опять.

«Лейла, здравствуй».

Лейла вздрогнула. Перед ней стоял Паша и улыбался совершенно идиотской улыбкой. «Кстати, о психах», – подумала она.

– Можно тебя проводить?

– Нет, не нужно.

– Я соскучился.

– А я – нет.

– А какие цветы ты любишь?

– Похоронные венки.

– Да? я тоже.

– Я пошутила. Отстань! Что ты привязался ко мне.

– Я люблю тебя.

– Я за тебя рада. Свободен.

– Но, Лейла... Заклинание...

– Не подействовало. Видимо не все в его власти. По крайней мере – не я. Эх, ты! А обещал, что я смогу полюбить!

Уйди, я не хочу тебя видеть! И не подходи ко мне больше.

Обычно Лейла не была жестока со своими многочисленными воздыхателями. Помня о том, что красота – сильно укоренившийся в сознание стереотип, поклонников отшивала вежливо. Но Паша пришел очень не вовремя. Девушка вошла в подъезд и сильно хлопнула дверь. Растерянный Паша постоял немного и ушел.

13

Старик в смешном переднике хлопотал на кухне, время от времени поглядывая в окно: шел второй час дня, внучка вот-вот должна была прийти из школы. Вдруг он схватился за сердце и застонал от боли. Потом он упал на пол. Он тяжело дышал и судорожно шарил рукой на буфете, где всегда под рукой лежали таблетки. Вот, только найти их он никак не мог.

«Ну, что, на этот раз – пойдём?» – спросила его я.

Дед посмотрел на меня и улыбнулся стиснутыми от боли зубами.

– Не-а.

– Ну, почему? Тебе ведь давно уже пора.

Старик тяжело приподнялся на руках и сел. Потом трясущейся рукой нашарил на буфете таблетки и положил одну в рот. Он сразу вздохнул глубже и спокойнее – плацебо, что поделаешь.

– Потому, что я еще нужен здесь. Нужен Лейле.

– У нее есть родители.

– Есть, но пока я жив, она может жить независимо от них так, как она хочет. Поверь, для нее это лучший вариант. А я еще поживу – за нее порадуюсь.

– И долго мне еще за тобой приходиться?

– Долго. Она же несовершеннолетняя. Да и нужно проследить, чтобы учиться пошла в институт. Никаких колледжей – зря я что ли с ней занимался?

– Надоело мне к тебе приходиться.

– А ты не приходи.

– А ты укрепляй сердце: больше движения, контрастный душ, шиповник пей, что ли. А-то с таким слабым сердцем и хочешь, чтобы я не приходила.

– Ладно.

– Ты мне в который раз уже обещаешь.

– Я все сделаю.

– Не сомневаюсь. И все же, нехорошо пользоваться тем, что я невольно проникаюсь симпатией к тем, кого вижу два и более раз. А с тобой мы уже сколько раз виделись?

– У-у-у... Много.

– Вот, именно. Ладно, пойду я. А сердцем все-таки занимайся. Иначе однажды не сможешь остаться здесь. Заберу я тебя и все.

– Рано или поздно так обязательно и будет.

– Но, ты же не хочешь рано?

– Не хочу.

– До свидания.

– До свидания.

Выходя из подъезда я налетела на дядю Витю. До чего же неприятное чудовище. Обычно они ко мне не пристают, а этот еще ни разу спокойно не пропустил.

– Ой, дочка, у тебя сигаретки не будет?

– Я не курю!

– А хлебушка?

– И не ем!

– Ну, надо же.

Дядя Витя вошел в подъезд, поднялся на четыре ступеньки и постучался в знакомую дверь.

«Иду», – сдавленным голосом, по возможности громко произнес дед, сидевший в это время на табуретке, уперев руки в колени и глубоко дышавший, и пошел открывать.

– А женщина в черном приходила случайно не к тебе? – вместо приветствия поинтересовался дядя Витя, – Красавица.

– Ты что – видел ее??? – обалдело спросил дед.

– Да, а почему тебя это так пугает? Ах, ты старый развратник...

В дверь опять постучали – вернулась из школы Лейла.

Ли́ка и Анто́н взявшись за руки шли по парку. Весенний воздух был на удивление прозрачен (уже три дня не было выбросов). Ступать по влажной земле, покрытой толстым слоем прелых листьев, было мягко. Деревья уже проснулись, на тонких ветках набухли почки. Небо было синее-синее, без облаков.

– Антошка.

– Что?

– Хорошо-то как!

– Да? Да, действительно. Ты любишь весну?

– Еще как. А ты?

– Я – не очень. Слишком грязно.

– Грязный здесь только воздух. А я люблю весну, не смотря ни на что.

Ли́ка закружилась, раскинув руки и смотря в небо. Она блаженно улыбалась. Анто́н догнал ее, поднял на руки и закружил. Потом они обнялись и некоторое время стояли молча.

– Лик.

– Что?

– А ты больше любишь меня или весну?

– Что за глупый вопрос – и тебя и весну я люблю одинаково. А ты меня любишь?

– Люблю. Ради тебя я готов полюбить даже весну.

– Ты это, наверное, всем говоришь.

– Нет, только тебе.

– Да, да, да... И девушек у тебя до меня не было...

– Почему? Была. Одна.

– А она красивее меня?

– Нет.

– Хуже?

– Ну... я бы так не сказал. Такая же.

– Да, конечно, я – страшная!

– Ну, почему. Ты очень красивая.

– А я не люблю, когда меня сравнивают с другими!

– Но, ты же сама спросила...

– Лучше бы я не спрашивала. А ты ее очень любил?

– Очень.

– И, наверное, скучаешь?

– Нет, только жалею, что все так получилось...

– Вы, что – расстались?

– Расстались? А... ну, да... Я не люблю об этом говорить.

– Не любишь? Значит – все еще скучаешь по ней. Может, тебе к ней вернуться?

– Это невозможно...

– Нет ничего невозможного!

– Но, люблю-то я тебя! И, вообще – меня расспрашиваешь, а о себе рассказываешь очень мало. У тебя, наверное, до меня парней было штук десять, если не больше.

– Нет, только один. Да, ты и не спрашивал.

– И не подумал бы, если бы ты меня не надоумила. Ну, давай, – рассказывай о нем.

– Не злись. Я расскажу. Мне нечего скрывать. Нас познакомила моя подруга, теперь уже бывшая. Мы сразу понравились друг другу. Нам всегда было хорошо вместе. Но, нам не суждено было быть вместе. То есть, наоборот, было суждено, но не получилось.

– Бывает.

– Я до сих пор не могу его забыть Я – однолюб. Тогда я думала, что никогда больше не смогу никого полюбить.

– И меня, выходит, не любишь?

– Тебя? Люблю. Прости. Мне нужно время.

– Время? Да, забудь его! Забудем все! Какое это имеет значение, если мы теперь вместе!

– Ты прав.

Теперь Антон и Лика шли по парку притихшие. Ни ему, ни ей воспоминания о былой любви не принесли радости.

Марина, опершись рукой на кафельную стену в ванной, смотрелась в зеркало. На свободу отчаянно рвались все те слова, которыми в избытке были исписаны все местные заборы и даже несколько позаковыристей (производные). За всю свою жизнь девушка не произнесла ни одного подобного слова, брезгуя ими, но сегодня у нее появился серьезный повод: Марина впервые поняла, что совсем не красива.

До настоящего момента внешность ее совсем не волновала. Тем более, что мама с детства старательно внушала ей: уделять внимание одежде – плохо. Так же плохо, как следить за волосами, краситься и отращивать ногти. И нравится мальчикам тоже очень плохо. Ни под каким видом нельзя привлекать к себе их внимание, а если привлекла, то уйти от него любым способом. И, вообще, об учебе надо думать, а не о тряпках и мальчишках.

Конечно, заветы матери были вдолблены намертво, но столь суровое воспитание сделало Марину всегда уверенной в своей правоте. Училась она теперь на автопилоте. Качество учебы от этого не ухудшилось, но сильно пострадала тяга к знаниям. Зато, она впервые задумалась о своей внешности и о том, насколько сильно она нравится конкретному мальчику.

А в настоящий момент девушка была в ужасе. Она нико-

гда не думала о внешности и уродиной себя не считала. Да и никто, собственно, ее таковой не считал, настолько хорошо ее внешность гармонировала с характером. Да и не была она, строго говоря, уродиной, просто была некрасива, но это – разные вещи.

Марина смотрелась в зеркало. Она была очень худа. Черты лица были резкие, заостренные: широкие скулы, острый подбородок, довольно большой нос с горбинкой, тонкие губы, карие глаза, высокий лоб, русые волосы, уложенные в тяжелый узел на затылке. А еще она была смуглой, независимо от времени года.

Марина тяжело вздохнула. Потом еще раз, прищурившись оглядела себя. Девушка всегда хорошо решала задачи по биологии, в которых требовалось узнать, какое потомство получится от скрещивания особей с данными признаками. И она с удивлением поняла, что при всем желании не могла получиться такая у своих блеклых, светловолосых и синеглазых родителей. «Интересно, в кого я такая», – подумала она. Ее мать, конечно, точно знала ответ на заданный вопрос, но просвещать на этот счет мужа и дочь не торопилась; только втайне надеялась, что дочь унаследует острый, рациональный, граничащий с гениальностью ум отца и будет в жизни успешнее матери. А вот Маринин брат был похож на обоих родителей. «Странно», – подумала девушка, – «Наверное, я похожа на прадеда».

Марина еще раз тяжело вздохнула:

– Нет, я похожа на смерть.

Марина и вправду фигурой сильно походила на смерть, в общенародном представлении. Она была высокая, худая с выпирающими ключицами и длинными, костлявыми руками. Такую смерть часто изображают на балахонах металлистов, едущей на мотоцикле или выносящей судьбоносное решение. Такая смерть величественна в движениях, несмотря на отсутствие мышц.

Несмотря на худобу, Марина действительно хорошо владела своим телом и была стремительна в движениях.

Девушка в третий раз тяжело вздохнула. И улыбнулась. По крайней мере, Леша не жаловался. Он уже встает. Когда она приходит, они вместе гуляют по больничному двору. Парень с нетерпением ждет, когда его выпишут. Обещает показать Марине свой гараж. А Маринин брат спрашивает, куда она так часто ходит, и почему стала меньше времени уделять урокам.

Женщина в черном больше не приходила к Даше, и девушка немного успокоилась. Их район, и вправду, наверное, освоил конвейерное производство психов.

– Ну, что, Даш, – та женщина к тебе больше не приходила? – спросила как-то Лейла.

– Нет. И не горю желанием встретиться.

– Еще бы ты горела. Все-таки она считает себя смертью. Мне дядя Витя рассказал, будто видел, как красивая женщина в черном балахоне выходила от нас. Наверное, моего деда пугала.

– Да, ладно, может, – бывшая студентка.

– Еще лучше... А дядя Витя теперь называет деда не иначе, как старым развратником. Еще растреплет всем, и будут языками чесать...

– Ну и ладно. Мало ли, что говорят. Если еще на все внимание обращать, то просто с ума можно сойти. Слышала, что о тебе говорят?

– Нет.

– Будто бы видели, как Пашка-сатанист из твоего окна вылезал, а перед этим вы вместе колдовали, жгли костры на земле. Ну, скажи – не чушь?

– Это правда.

– Лейла?

– Только, колдовал он сам. Я не сильна в этих делах.

– И зачем он колдовал?

– Чтобы я его полюбила. Я так надеялась, что поможет...

– Ну, и...?

– Не помогло. Жаль. Я так хочу любить.

– И кто тебе мешает?

– Не «кто», а то, что любви нет.

– Нет, говоришь? Вон, Пашка как старается, а ты говоришь – нет.

– А, что, есть, что ли? Будет, как обычно «Лейла, ты такая красивая... Лейла, ты – самая лучшая...» Наверное, если бы у меня не было мозгов – ни один ухажер бы не заметил.

– Почему, еще как заметил бы. Ты бы стала такая покладистая.

– Ага, щас...

– А что вы с Пашкой делали у тебя в комнате?

– Догадайся.

– Лейла. Ну, ты даешь!

– Вот именно.

– Да, он же – последний человек...

– Последний? Это здесь-то? Здесь это трудно. Здесь все последние.

– Что это ты его защищаешь? Любишь его, что ли?

– Нет, видеть его не могу.

Паша и вправду измучил девушку своими ухаживаниями. Он подкарауливал ее в подъезде и во дворе, все время искал

встречи с ней, когда встречал – истерично клялся в вечной любви, звал куда-то, пытался что-то дарить, писал письма с такими глупыми орфографическими ошибками, что Лейла только смеялась, не вникая в содержание. Однажды Лейле это надоело, и она дала ему отповедь жестко и жестоко, как больше никогда не делала ни до, ни после. Пашка чуть ни разрыдался, но сдержался.

– Лейла, а правда, что сатанисты проводят свои ритуалы на голой бабе, вместо алтаря? – спросила Даша.

– Не знаю, а что?

– Просто, из тебя бы получился хороший алтарь.

– Сейчас по башке получишь за такие слова.

– А что тебе не нравится?

– Не вижу ничего смешного. Хотя, думаю, что из тебя алтарь получился бы лучше – ты плоская, на тебя ставить удобно.

– Ну, спасибо.

– Да, ладно, не обижайся.

Женщина с брезгливым выражением неприятного лица в очках смотрела на девочек из окна второго этажа. «Вот, пошли две шалавы», – сказала она. Позади нее раздался тихий стон. «Заткнись!» – окрысилась женщина.

На грязной кровати в грязной комнате лежал старик. Он медленно умирал уже несколько месяцев. У него была гангрена, и в последнее время он не вставал. Он был одинок, и неприятная женщина оформила над ним опеку за право

наследования трехкомнатной квартиры и делала все, чтобы скорее вступить в эти права. Старик слабел с каждым днем и не имел сил противиться.

Женщина взяла сумку и, не прощаясь, ушла, раздраженно хлопнув дверью.

Во дворе она встретила дядю Витю.

– Здравствуй, дочка.

– Какая я тебе дочка, старый хрен?!

– Нехорошо так разговаривать. А хлебушка у тебя не будет?

– Пошел к черту!

– А сигаретки?

– Я, что – неясно сказала?

– А спичек?

– Пшел вон!

– Ну, что, еще не уморила старика? – вдруг отошел от привычных тем дядя Витя.

– Отстань! Я оформила над ним опеку!

– Чтобы получить его квартиру, – развил мысль дядя Витя, – А давай лучше я над тобой опеку оформлю? – неожиданно предложил он, – А? Ведь тебе эта квартира не понадобится...

– Уйди с дороги!

Вне себя от злости женщина ушла к себе домой. Дядя Витя проводил ее полным злобы взглядом своих бесцветных глаз.

Паша лежал на диване, смотрел прямо перед собой и вспоминал последний разговор с Лейлой. Он еще пытался в чем-то ее убедить: «Лейла, после того, что было...» А она резко оборвала его: «Ничего не было. Отстань». Она еще много ему сказала, и он понял, что надеяться ему не на что.

Тогда он решил покончить с собой.

Сейчас он уйдет туда, где его уже ждут... Ему было все равно. Было светло (три часа дня), но в углах комнаты постепенно стало темно. Там появились какие-то неясные тени. Тени двигались, шептались мерзкими, хриплыми голосами и медленно ползли к нему. Потом от теней в углу отделился черный силуэт в свободном одеянии и стал приближаться к Паше плавной женской походкой. «Совсем, как Лейла», – подумал Паша. Женщина подошла к нему, присела рядом на диван и откинула капюшон с лица.

– Здравствуй, – сказала она.

– Здравствуй. А кто ты?

– Я – смерть.

– Почему-то я такой тебя и представлял.

– Ты звал меня?

– Звал.

– Не люблю, когда меня зовут. Обычно, я прихожу неожиданно.

– Извини. Так получилось... А куда я сейчас отправлюсь?

Я уйду к сатане?

– Очень ты ему нужен, придурок.

– Но, я так старался.

– Кому что. Большинство боится к нему попасть. А я даже не уверена, есть ли он. Думаю, что – нет. А, вот, что ада нет – я знаю точно.

– А Бог есть?

– Не знаю, я никогда его не встречала. А, вообще – ты первый, кто меня об этом спрашивает. Обычно меня просто пугают. А ты беседы ведешь. Ну, ладно, зачем ты звал меня? Нет, подожди, я сама угадаю. У тебя несчастная любовь?

– Да.

– И ты решил, что она стоит твоей непрожитой жизни?

– Да.

– И кто же она, можно узнать?

– Это Лейла.

– Лейла? Ах, да! Знаю ее дедушку и ее несколько раз видела. Очень умная девушка и очень красивая, почти не уступает мне. Ради нее нужно мир перевернуть, а не убивать себя.

– Она – красивая? – удивился Паша.

– А ты, что – не знал?

– Нет. У меня зрение – минус девять – я почти не различаю черты лица.

– Ничего себе!... И ты хочешь сказать, что полюбил ее не за красоту?

– Нет. Просто, мне казалось, что только она сможет меня понять. А что?

– Ничего. Просто, очень редкий случай в моей практике. Понимания, конечно, ищут многие, но, чтобы – не зная о красоте... Да-а... Очень редкий случай. О такой любви многие мечтают.

Женщина взяла Пашу за руку.

– Слушай, а почему ты решил покончить с собой именно так?

– Да, просто хотел заснуть, чтобы больше не просыпаться.

– Все так думают. Только они не знают, что в таких случаях умирают оттого, что захлебываются собственной рвотой. Ну, что, пойдём? Разболталась я что-то с тобой.

– Пойдём. Но, меня же не...

И тут Пашу начало рвать. Он наблюдал за этим как бы со стороны, а сам лежал на спине, раскинув руки, и ничего не мог сделать. А ему очень хотелось подняться и что-нибудь сделать, ведь жить сейчас он хотел, как никогда. «Если я выживу...» – подумал он и начал захлебываться.

Тут в комнату вошла Пашина мать – матушка Людмила. Сегодня она вернулась домой раньше, чем планировала. Она сразу все поняла, испугалась, но не растерялась, а схватила сына за шиворот своими могучими руками (матушка была высокой и полной) и потащила в ванную. Она наклонила его над ванной и стала вызывать «скорую». Когда его увозили, он шептал: «Лейла... Лейла. Лейла!» – а мать сжала кула-

ки от злости. Потом он слезно умолял реаниматоров откачать его.

Когда «скорая» уехала, матушка постояла немного, собираясь с мыслями, потом захлопнула дверь в квартиру и решительным шагом направилась через двор – к Лейле.

Девушка оказалась дома и, когда открыла дверь, и матушка, уже набравшая в грудь воздуха, чтобы разразиться гневной речью, не смогла ничего сказать, залюбовавшись ею. Девушка была в коротком халатике, не скрывавшем фигуры. Она кротко улыбалась, а глаза ее светились участием. Впрочем, когда она увидела состояние матушки, это выражение лица быстро сменилось тревогой.

– Что-то случилось, тетя Люда? – спросила она.

– Для тебя – матушка Людмила. Что ты сделала с моим сыном, ты – блудница, дочь блудницы?!

– Я? – опешила девушка.

– Он все время тебя звал, когда его увозили в больницу. Как будто ты не знаешь! Отравился он.

– Теперь – знаю.

Тут матушка, собравшаяся было сказать еще что-то гневное, вдруг замолчала, смотря куда-то позади Лейлы, словно бы там появилось что-то очень страшное.

«Это кого ты назвала блудницей? – раздался дедушкин голос, – Ишь, ты, какое умное слово выучила! А у меня на семинарах двух слов связать не могла! Да, и кто бы говорил про блудницу-то! Ты сама-то как себя вела в молодости? А как

тебя на факультете звали, помнишь? Да, ты и не обижалась, если мне не изменяет память. Ты по себе-то людей не суди. Потому ты сейчас и такая праведная, что грешить надоело. Помнишь, что ты мне предложила за экзамен? Мне до сих пор вспоминать стыдно! И... уйди из моего дома, не приставай к моей внучке!»

Матушка и без того перенервничала, а тут ей стало совсем плохо. Все сказанное стариком было правдой. А она старалась пореже вспоминать свое прошлое. Забыв приличия, она крикнула: «Да, пошел ты, старый пень! В гробу я тебя видела!»

«Учил я тебя два семестра!» – отозвался дедушка.

Матушка быстрым шагом шла через двор. Сегодня у нее было слишком много впечатлений. Даже дядя Витя, собравшийся было что-то у нее попросить, посмотрел на нее и решил, что не стоит.

Тем временем дедушка подошел к Лейле и обнял ее.

– Эх, внученька, вот так всегда: красивая – значит – шалава. А ведь тебе всего пятнадцать. Что же потом-то будет? Э-хе-хе-е... Ты не слушай никого – это они от зависти. Палкой мне что ли отгонять твоих поклонников? А?

– Дед, а она тоже что ли на филфаке училась?

– Кто?

– Ну, тетя Люда.

– А, эта. Нет. Она с дошфака.

– И откуда ты тогда ее знаешь?

– Да, русский у них вел. Двух слов связать не могла. И слава о ней шла дурная. И не зря – убедился на собственном опыте.

– Ты, что, с ней...?

– Нет, что ты, но она предлагала. А я заставил ее выучить.

– Да-а... Жестоко.

– Не то слово. Я так обрадовался, когда она Димку встретила.

– Димку?

– Ну – отца Дмитрия. Он ее из такой ямы вытащил. Если бы не он – страшно подумать, что бы с ней стало. Вот, теперь и праведная такая, что надоело все. Вот, и осуждает всех.

– Можно подумать, ты ее не осуждаешь?

– Нет, не осуждаю. Никогда не осуждал, всегда жалел. Да и вообще – она —такая страстная мне нравится гораздо больше, чем все эти амебные верующие девочки. А она теперь имеет моральное право быть праведной. А вообще, внученька, ты на нее не обижайся – ее можно понять: чуть сына не потеряла. Ты, наверное, не помнишь – у них с Димой еще дочка была, только умерла совсем маленькой. Жалко так. Хорошая была девочка. Такая резвушка.

– Дед, ведь он и в правду из-за меня...

– Ты его что ли заставила? Никто его не заставлял. Сам виноват, что такой дурак.

– Ой, дедуль, ты бы знал, как мне все это надоело.

...Паша лежал в районной больнице. Отец использовал свои связи, и в психушку его не забрали. Мать, отец и братья часто навещали его. Старший брат (священник, как и отец) даже приехал из соседнего города. Он и родители пытались уговорить Пашу обратиться к Богу, но потом сказали, что любят его таким какой он есть, пусть только не оставляет их больше. Паша не обратился, но пообещал в будущем обойтись без суицидов.

Ли́ка быстрым, то есть своим обычным шагом, шла домой с работы. Вдруг кто-то преградил ей путь.

– Ли́ка! Как давно я тебя не видел, – перед ней стоял Са́ша – ее старый знакомый.

– Как дела? – спросила Ли́ка.

– Хорошо. Мы выпустили новый журнал. Скоро из непризнанного писателя я стану признанным.

– Какой это номер по счету?

– Уже десятый.

– Ну, тогда – конечно. Ты скоро станешь известным.

Са́ша давно писал довольно посредственные, зато с высокой идеей, рассказы. Он занимался в литературном объединении под руководством недалекого ума и неблестящего таланта мужчины, постоянно делавшего замечания не по существу. Они издавали свой журнал, имевший мизерный тираж и среди них же расходившийся. И Са́ша ждал, что станет известным.

– Конечно, ты будешь известным. Ведь у тебя даже инициалы как у Пушкина – Александр Сергеевич Пышкин.

– Спасибо. Ты всегда меня поддерживала. Ты совсем не изменилась.

– Ты – тоже.

Са́ша и в правду мало изменился. Все такой же кругло-

лицый, светленький, лысеющий, с доброй, глуповатой улыбкой. И так же ждущий славы.

– Знаешь, я женился.

– Правда?! Я так за тебя рада! Ты же так этого хотел!

– Хотел... А помнишь, как предлагал тебе выйти за меня замуж, я ты отказалась? А я ведь так мечтал, как мы...

– Помню, – прервала его Лика, – Расскажи лучше, как это случилось. Кто она?

– Она из той же церкви, что и я.

– Церкви? Ах, да. (Саша принадлежал к малоизвестной секте «Церковь десяти отступников»)

– Так вот, однажды идем мы с ней по улице, а навстречу нам – наш духовный наставник!

– Ну, и что?

– Разве ты забыла? Наша церковь запрещает парням и девушкам встречаться без свидетелей.

– Почему?

– Ты и в правду все забыла! Мы убеждены, что влюбленные наедине не могут удержаться и обязательно должны согрешить. Чтобы не допустить этого, им нельзя видеться без свидетелей.

– Ах, да. Ну, и что вы сделали.

– Наставник вздохнул, посмотрел на нас взглядом полным укора и молча ушел.

– А вы – что?

– А мы пошли ко мне домой и согрешили, – Саша не смог

скрыть довольной улыбки, – до сих пор приятно вспомнить. Ой... извини! Как я могу рассказывать такое девушке! На следующий день мы покаялись наставнику, и он сочел нас браком. Сейчас она ждет ребенка. Если будет девочка, мы назовем ее Лику.

– Спасибо...

Саша нежно посмотрел на Лику, широко улыбаясь. Вдруг между ними неожиданно возник Антон. Он свирепо посмотрел на Сашу.

– Мужик, у тебя проблемы?

– Нет, что вы.

– Щас будут!

– Не понимаю, о чем вы?

– Ты чего пристаешь к моей девушке?

– Я... Я не пристаю – мы разговаривали.

– Ты сам уйдешь или тебе помочь?

– С-сам...

Саша поспешил удалиться. Антон свирепо зыркнул ему вслед. Потом шагнул к Лике.

– Что это?

– Да, так – старый знакомый.

– Знакомый? Я видел, как он на тебя смотрел! Просто знакомые так не смотрят!

– Ну, понимаешь – он когда-то был влюблен в меня.

– Да, по-моему и сейчас...

– Нет, что ты – он женат.

– А-а-а... Ну, тогда ладно. Наверное, и тебя замуж звал?

– Звал.

– А ты?

– Я не пошла. Никогда не смогла бы с ним жить. Он хотел, чтобы я изменилась, бросила все и занималась только им, а еще вступила в его дебильную секту. Да, и не любила я его никогда – думала – мы – просто друзья.

– Да, тяжелый случай.

– А ты, оказывается, такой ревнивый.

– Да, а ты как хотела? Смотри – я тебя никому не отдам.

– Спасибо.

Антон обнял Лику. Девушка склонила голову к нему на плечо. Она кротко улыбалась и с нежностью думала о своей первой любви. Они не спеша шли домой. Но, спокойно дойти до дома сегодня, им было не суждено. Навстречу им шла высокая, костлявая (самый распространенный местный типаж) молодая женщина. Ее короткие волосы стояли дыбом, большие кошачьи глаза смотрели зло и презрительно. Лика отвела взгляд, но ее заметили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.